

Виктор Золотухин

*Chikatilo
forever!*

Виктор Золотухин

Chikatio forever!

«Издательские решения»

Золотухин В.

Chikatio forever! / В. Золотухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934318-5

В сборник вошли повести «Возвращение маленького принца» (история первой любви), «Теплоходство» (детективная история, произошедшая на теплоходе «Ольга Садовская» Дальневосточного морского пароходства), «Голова профессора Досова» (пародия на повесть Александра Беяева) и рассказы. Действие всех произведений разворачивается в восьмидесятые годы прошлого века.

ISBN 978-5-44-934318-5

© Золотухин В.
© Издательские решения

Содержание

Возвращение Маленького Принца	6
Теплоходство	26
Глава К	26
Глава О	38
Глава Р	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Chikatilo forever!

Виктор Золотухин

© Виктор Золотухин, 2018

ISBN 978-5-4493-4318-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи этого сборника вымышленные, а их возраст изменен. Имена населенных пунктов, пароходов, ансамблей и персонажей изменены. Сюжеты относятся к восьмидесятым годам прошлого века, в нынешней парадигме они невозможны и даже абсурдны.

Возвращение Маленького Принца

В последний четверг накануне Нового года в фойе все кардинально переменялось. Кресла были сдвинуты в угол, местами навалены друг на дружку, оставлено десятка два, так чтобы можно было сидеть. Исчезли и паласы с пола, чтобы дети не вывозили их своими грязными сапогами. На месте остались лишь цветомузыкальная установка и стойка с аппаратурой для диск-жокея.

Зато в центре была установлена огромная нарядная елка. Свет ламп отражался в разноцветных стеклянных шарах, местами висели, разворачиваясь от случайного сквозняка, картонные попугаи и матрешки, с пузом из гофрированной бумаги – неременный атрибут любой коллективной елки. Широкий бумажный серпантин. И, конечно, гирлянды – крупные и грубо сделанные. Но сейчас они были погашены.

И запах! Великолепный запах только что срубленной елки. К Новому 1981-му году он выветрится, а пока...

Так в этот день выглядела резиденция, логово, клуба филофонистов накануне праздника.

Следует отметить, что клубу очень повезло. Директор дворца культуры, где располагался клуб, сам был страстным поклонником музыки, поэтому средств на его благоустройство не жалел. Самая современная звуковая и световая аппаратура всегда были в распоряжении его членов.

Я не без гордости пришел в этот раз на заседание клуба филофонистов. Еще бы, у меня с собой была магнитофонная катушка последнего альбома шотландской группы «Назарет». Записанная прямо с фирменного диска.

Едва дождавшись конца обсуждения текущих вопросов, я достал из тряпичной сумки свою гордость, с намерением поставить ее на магнитофон и выслушать впечатления других членов клуба. Это допускалось. Таким образом все члены клуба могли познакомиться с каким-нибудь новым музыкальным альбомом.

– Что это там у тебя? – донесся до моих ушей знакомый голос.

Это был Мундштук, мужик лет тридцати пяти, прозванный так за свою патологическую привязанность к традиционному джазу. Кроме джаза, он не признавал больше никакой музыки.

– «Назарет», самое новье! – зарделся я.

– А-а-а... эти, – скривился Мундштук. – Они играть-то толком не умеют и в мире совершенно не популярны. Не знаю, почему у нас так по ним с ума сходят. Ты прививай себе вкус к хорошей музыке...

– К джазу, – подыграл кто-то.

– А что? С этими шотландцами никакого сравнения. Настоящая серьезная музыка.

Я как оплеванный сел обратно в кресло.

– Можно вас на минуточку?

Негромкий голос раздался почти у самого выхода. Я повернул голову.

В кресле у лестницы сидела незнакомая девушка. В клуб вообще девушки редко заглядывали, а эта определенно была здесь впервые.

– Подойдите, не кричать же мне через весь зал.

Я послушно подошел.

Гостья была привлекательной молодой девушкой на вид лет двадцати. Карие глаза на смуглом лице, небольшой прямой носик, маленькие пухлые губы с едва заметным пушком над ними. Черные, как воронье крыло, волосы до плеч. Она была невероятно похожа на Маришку Вереш, солистку группы «Шокин Блю».

– У вас и правда есть последний альбом группы «Назарет»? – спросила она.

– Вот он, – стесняясь, показал я катушку – моральное унижение на глазах общественности еще довлекло надо мной.

– А как его можно послушать?

– Не знаю, – растерялся я. – Они вряд ли дадут сейчас включить.

Гостья улыбнулась.

– Может есть другой способ послушать пленку?

– Я могу вам дать катушку. На время, – добавил я.

– У меня, к сожалению, нет магнитофона, – расстроилась моя новая знакомая. – Может как-нибудь можно будет сделать это в другом месте?

Я задумался, перебирая мысленно места, где можно было бы послушать магнитофонную ленту. То, что это можно было сделать у меня дома, как-то в голову не приходило.

– Ладно, мне пора идти, – девушка глянула на часы. – Ты меня проводишь?

– Конечно, – торопливо согласился я.

Почему-то мне не верилось, что я могу встречаться запросто с такой интересной девчонкой. Но, кажется, лед тронулся. Она сама дала повод для знакомства. Да, и как плавно и ненавязчиво она перешла на «ты». Конечно, я пошел ее провожать.

Я помог ей надеть пальто. Темно синее, затрапезное, но с необычным для наших мест фасоном. Сам надел пальто в крупную клетку. В таких ходил весь город – результат перевыполнения плана местной швейной фабрикой.

Мы вышли на мороз. Только сейчас я обратил внимание, насколько худа моя новая знакомая. Но эта худоба сочеталась с уникальным изяществом и женственностью фигуры.

– Как тебя зовут? – выдавил я из себя.

– Таней. А тебя?

– Виктор. Витя.

Вести более непринужденную беседу мне мешала стеснительность. А вы бы не были так стеснительны на моем месте? В свои семнадцать лет я все еще был девственником. Периодически кто-нибудь из друзей хвастался, что где-то на квартире по пьянке отымел девчонку из соседнего двора. Может быть врал? Как бы то ни было, а я не хотел выдумывать подобные истории. Вот когда случится, то всем расскажу!

Когда зашли в троллейбус, Таня достала мелочь из кармана.

– Тебе покупать билет?

– Нет, у меня проездной, – облегченно вздохнул я, так как не знал, как поступить лучше. Купить билет ей или нет. Денег жалко не было – всё та же стеснительность.

– Что это за мужик был? – спросила Таня, и я как-то сразу понял о ком идет речь.

– Местный поклонник джаза по кличке Мундштук.

– Козёл.

– В какой-то мере ты права.

– То есть?

– С ним история интересная произошла. Мне рассказывали. У него сын, головорез малолетний, принес домой поджиг. А развитием умственным отпрыск в родителей пошел. Жена такая же. Взяла она этот поджиг и навела Мундштуку в лоб, не догадываясь о последствиях своих действий. Но что-то ее остановило. Тогда она прицелилась ему между ног и выстрелила. Мундштука после этого в больницу отвезли. Долго врачи мучались, но ничего исправить уже было нельзя – ампутировали ему одно яйцо. После этого его иногда за глаза зовут однойцевым коммунистом.

– А почему коммунистом?

– Он член партии. Причем по убеждению.

– Как-то это с джазом не состыковывается, – засомневалась Татьяна.

– Так это трагедия его жизни. Хотя он выкручивается – говорит, что основателем джаза является Утесов.

Таня засмеялась. Я был благодарен ее смеху. Между нами сразу возникла непринужденность в общении.

– Так он после этого творить начал, – разошелся я. – Стихи пишет. Видимо либидо ему мешало раскрыться как творческой личности.

– И что за стихи?

– Бред всякий, типа «я присягаю с сыном на верность Октябрю».

– Это с тем, который ему мужскую гордость отстрелил? – смеялась Таня.

– Отстрелил не он, а жена его. Так вот он всю свою любовь на сына перенес да на родную партию.

Из троллейбуса мы вышли уже как хорошие знакомые.

– А тебе сколько лет? – спросила Татьяна.

– Восемнадцать, – соврал я. – А тебе, хоть и неприлично у девушки спрашивать?

– Мне двадцать два.

– Я думал тебе от силы двадцать, – сподобился я на банальность.

Татьяна пропустила ее мимо ушей.

– Тебе точно есть восемнадцать?

– Конечно, в августе исполнилось, – как можно беспечнее пролепетал я. – А почему это так важно?

Моя новая знакомая, казалось, вздохнула с облегчением.

– Видишь ли, я здесь «на химии»...

– На какой *химии*? – улыбался я, думая, что этот разговор – продолжение шутки с Мундштуком.

– Я сидела в тюрьме и отпущена на поселение до конца срока. Это и есть «химия», – совершенно серьезно сказала Таня.

– Так ты не местная?

– Нет, я родом из Кенисберга.

– Из Калининграда что ли?

– Из него самого.

До меня постепенно стал доходить смысл ее слов. Но умом понять ситуацию я пока не мог.

Зечки в моем понимании были матерыми бабами с хриплым голосом и огромными сиськами. Сидели они широко расставив ноги покрытые венозными узлами. В одной руке стакан, в другой «Портвейн», в зубах «Беломорканал», сквозь зубы доносятся непристойности. В Татьяне ничего подобного и близко не было. Более того, моя новая знакомая была привлекательна особой красотой, обаятельна, тактична и, что очень немаловажно и уникально в наших краях, музыкально образована.

– Ты что, пионера топором зарубила? Статья-то какая?

– Двести двадцать четвертая.

– Что это? Браконьерство?

– Ты тоже знаешь этот анекдот, про бабку, которая в речке подмылась и всю рыбу отравила, – улыбнулась Таня. – Нет, осудили меня по статье за наркотики.

«Вот оно! – подумал я. – То-то на зечку она не похожа. Не воровка, не убийца. А наркотики – это даже интересно.»

О наркотиках я не знал ничего, кроме того, что отец как-то говорил, что у него друг детства «колёса» глотал, да так и умер. Да еще мой знакомый один девушкам в вино что-то подмешивал, чтобы меньше сопротивлялись. Хотя и безуспешно, потому что сам очень любил вино и надирался первее всех.

– Без десяти десять мне надо быть в общежитии на проверке. Иначе мне запишут побег. Потому я и торопилась.

– И долго тебе еще так проверяться? Когда освободишься?

– Через десять месяцев.

Мы шли меж старинных домов. Их строили еще пленные немцы. Внезапно вышли к снежному городку. Типичный набор: ледяная горка, Дед Мороз со Снегуркой, снеговик, что-то типа лабиринта. Вокруг снег убран. В разные стороны от городка тянулись узкие тропинки.

– Мы пойдем по этой, – показала Татьяна на самую извилистую.

Видимо, она любила необычные пути.

Женское общежитие «химиков» было грязно-серым пятиэтажным зданием с одним центральным входом. Недалеко от входа крутились, отчаянно матерясь, двое пьяных уголовников.

– Ты меня до дверей не провожай, дойду сама, – сказала Татьяна.

Мне и самому не хотелось, пьяная шпана внушала страх. Но если бы попросила, дошел бы до двери, смело подставив свое лицо под кулак. Но почему-то я был уверен, что она им не интересна, не в их вкусе. Ее одну они не тронут.

– Когда встретимся? – спросил я.

– Как тебе будет удобнее.

Я на секунду задумался.

– Праздники будут, суета... Давай, когда все пройдет, через восемь дней в пятницу.

– Давай. Во сколько придешь?

– Могу в четыре.

– Я еще буду работать. Давай в шесть.

– Хорошо.

– Вон мое окно на четвертом этаже, – Татьяна показала. – Крикнешь меня, я и выйду.

Возвращался я домой пешком, это было недалеко, и в приподнятом настроении. У меня была девушка, которая сразу очень понравилась мне. С ней легко было общаться. Она привлекала сексуально.

«И кто знает, – думал я, – может это тот самый случай, когда я, наконец, стану *мужчиной*? А что касается моей маленькой лжи насчет возраста, так ли это важно?»

Дома я был в десять вечера.

Когда лег спать, то долго еще не мог заснуть. Все думал о своей новой знакомой. И она мне все больше нравилась. Наверное, я влюбился.

Любимым своим праздником я всегда считал Новый год. Еще в детстве я любил залазить в угол квартиры под елку, обозревать оттуда окрестности, грызть конфеты из новогодних подарков и вдыхать аромат хвои.

Став взрослее я задолго готовился к празднованию: искалась свободная от чьих либо родителей квартира, велись переговоры со знакомыми девушками, закупалось небольшое количество спиртного – все для того, чтобы в один прекрасный момент я мог остаться наедине с понравившейся девушкой, целоваться и залазить рукой в ее разные места. Однако, в этом деле меня всегда преследовала фатальная неудача. То квартира сорвется, то надо ехать куда-нибудь с «черепами», а чаще просто девчонки не являлись в последний момент. Праздник портился стабильно каждый год. Странно, но любить меньше Новый год из-за этого я не стал.

Решив, что я – хронический неудачник в деле организации новогоднего празднования, я решил эти обязанности взвалить на своего дружка Леву Голдмана.

Лева заверил, что на Новый год он разбудит несколько классных девчонок. Кроме того, у него уезжают родители, и двухкомнатная квартира будет в полном распоряжении подрастающей общественности.

Так оно и вышло. Только с одной маленькой поправкой. В роли подружек выступили две его двоюродные сестры. Обе здоровые, носатые, с большими острыми подбородками.

Но и это обстоятельство еще не было фатальным. Гораздо хуже было то, что девушки, как бы помягче выразиться, противоположным полом совсем не интересовались. Либо еще не думали об этом, а, может, и поставили крест на взаимоотношениях между полами после того как посмотрели в зеркало. В любом случае, при брате они бы себе «этого» не позволили.

Другой бы хоть надрался «в соплю», благо спиртного навалом, но я пил тогда очень мало и без удовольствия. Так что подобная перспектива меня так же не прельщала.

В полночь по традиции бокалы с шампанским звякнули об экран телевизора, где совершенно трезвый Брежнев нетрезво поздравлял страну с очередными свершениями в области построения развитого социалистического общества. Потом все пошли танцевать, что мне довольно быстро надоело.

Я заглянул в маленькую комнату. Кровать, укрытая голубым пледом – спальное ложе голдмановских «черепов», шифоньер, тумбочка со старинным радиоприемником «Балтика».

«На такую бы кровать, да мою новую знакомую», – с грустью вспомнил я про Татьяну.

Но это, по моему глубочайшему убеждению, было нереально. Только познакомиться с девушкой и сразу звать ее в гости с ночевкой.

«Она бы не пошла», – подумал я.

Вдруг мне икнулось. Не так, как обычно считают многие: пить хотелось, открылась громкая глубинная икота – значит, вспоминает кто. А так, чуть-чуть. «Ик» и всё.

«Неужели Татьяна?» – удивился я.

Я почему-то не особо верил, что у нас будет еще хотя бы одна встреча. Слишком все было хорошо. Слишком она мне нравилась.

Вечер выдался не самым теплым. Трико под полосатыми расклешенными брюками и свитер под клетчатым пальто не гарантировали защиту от холода.

Я подошел к общежитию «химиков». Вот оно – знакомое окно. Осталось только крикнуть. Но внезапно меня поселила стеснительность. Как это я буду стоять и драть глотку на виду у всей улицы? А ведь другого способа вызвать Татьяну нет.

Справившись с застенчивостью, я открыл рот и прокричал знакомое имя. Крик вышел сдавленный, неуверенный. «Та» прозвучало громко, а на слоге «ня» голос подсел, «пустил петуха». Смущенно, я огляделся по сторонам. Кажется, мои голосовые изыски никого не тронули. Я набрал в легкие воздуха и повторил.

– Таня!!!

За стеклом показалось знакомое лицо. Татьяна жестами показала, что сейчас спустится. Облегчение для скромного юноши.

Через десять минут она бодро вышла из дверей общежития.

– Привет! Как провел Новый год?

– Так себе. У приятеля был.

– Небось, девчонки у вас на празднике красивые были?

– Нет, я был один.

Подозрения я отверг с излишней поспешностью.

– Куда пойдем? – спросила Татьяна.

– Не знаю. Можно на снежный городок.

– Там я уже провела весь праздник.

– С кем?

Теперь уже Таня поспешила заверить меня в своей искренности.

– Одна. Тоскливо что-то стало. Кругом празднуют Новый год, а я сижу одна. Даже телевизора в общежитии нет. Вышла на улицу, да пошла на снежный городок. Так и прогуляла половину ночи возле горки. Пальто испачкала.

– А я не заметил.

– Вот здесь, – Татьяна показала бледную оранжевую полосу на пальто в районе бедра. – Ходила по лабиринту, а снег, из которого его сделали, краской был покрашен.

– Вся наша жизнь – сплошной лабиринт, – невпопад бросил я.

Бродили мы в основном по дворам микрорайона. Разговаривали о музыке. И лишь часам к девяти забрели к зданию профтехучилища, расположенному через дорогу.

За углом учебного центра, возле ящиков с мерзлыми пищевыми отходами, мы остановились. Обнялись. Холод пронизывал до костей. Умом я понимал, что должен сейчас поцеловать Таню. Но смелости не доставало. Вдруг она воспротивится этому, скажет что-нибудь резкое и неприятное.

А целоваться я умел. Во всяком случае так думал. Научился еще за пару лет до этого. И считал, что делаю это совсем неплохо.

– Ты читал сказку «Маленький принц»? – вдруг спросила Татьяна.

– Да, очень давно.

– Помнишь в ней Лиса?

– Помню. Но мне почему-то всегда казалось, что Лис – это девушка.

– Так оно и есть. Знаешь, я сейчас себя чувствую тем Лисом. Мне кажется, что скоро я буду скучать когда тебя не будет рядом. А твой приход узнавать по звуку шагов.

– Это же хорошо, – воспрянул духом я.

– Хорошо-то, хорошо, да ничего хорошего. Я ведь буду скучать в твое отсутствие. Я уже скучала. А что, если мы вдруг расстанемся? Мне ведь будет больно!

– Мы никогда не расстанемся.

– Всякое в жизни бывает.

Татьяна немного помолчала и продолжила.

– Я себе еще давно звездочку на небе выбрала, как Маленький Принц. Вон ту, – Таня показала на кончик хвоста Большой Медведицы. – Запомни ее. Если у нас будет длительная разлука, ты посмотришь на небо, увидишь мою звездочку и вспомнишь про меня.

Небо этим вечером было, как никогда, ясным и звездным.

– Тогда и я выберу себе звездочку, а ты ее запомни, – сказал я.

– Хорошо.

– Моя звездочка вон та, рядом с твоей. Я хочу, чтобы моя была совсем рядом.

– Но ведь на самом деле эти звезды очень далеко друг от друга находятся.

– Зато на небе они рядом, – возразил я. – Я хочу ухаживать за тобой, как Маленький Принц ухаживал за своей Розой.

– Согласна.

И тогда я решился поцеловать ее. Татьяна не противилась. Губы ее были мягкими и теплыми, язык – влажным и обжигающим, с каким-то неуловимым терпким привкусом. Мне нравился этот вкус.

Внезапно я почувствовал, как восстает моя юношеская плоть. Сначала я испугался реакции своего организма. А вдруг напряжение в брюках почувствует Таня? Но потом вспомнил своего друга Сергея.

Сергей работал на заводе в бригаде моего отца и был старше меня на одиннадцать лет. Я часто приходил к нему в гости, а он считал своим долгом обучать меня обращению с женщинами. Какими бы разносторонними не были его советы, сводились они всегда к одному.

«Когда танцуешь с бабой, погладь ее в районе копчика. Они тащатся от этого.»

Или:

«Ты в нее не кончай, а то забрюхатит еще. Лучшие ей на пузо.»

Или еще:

«Будет рассказывать, как ее парень обманул – переведи разговор на другую тему. Иначе она потом будет стесняться своей откровенности. А это может отразиться на ваших отношениях.»

Или совсем уж не в какие ворота:

«Если девственницу уговариваешь, скажи что сунешь лишь на „пол карасика“, целку не сломаешь. А когда даст, воткни ей по самые яйца.»

Однажды он сказал:

«Если твоя юношеская писька встала, не стесняйся этого, а прямо через одежду води ей по бедрам женщины. Если она его держала в руках, то обязательно возбудится от этого.»

Я так и поступил. Прижался всем, чем мог, к Татьяниним узким бедрам. Она почувствовала это и, казалось, слегка возбудилась. А что толку? Зима, холод.

Через полчаса, когда моя плоть совсем онемела от возбуждения, Татьяна посмотрела на часы.

– Мне пора.

– Я тебя провожу.

Мы направились к общежитию «химиков».

– Тань, а ведь я даже не сообразил тебя на Новый год позвать.

– А я так ждала, когда ты меня позовешь.

– Вот ведь дурак я!

– Не дурак, а дурачок. Мой единственный дурачок.

– Встретимся завтра? Я пораньше постараюсь прийти.

– Я буду ждать тебя.

На следующий день погода преподнесла горожанам подарок. Ветки деревьев были покрыты пушистым инеем. Город казался сказочным.

Уже на подходе к общежитию, я почувствовал дрожь в теле. Мозг усиленно качал в кровь адреналин. Вызвав Татьяну, я гордо объявил ей, что несмотря на такую красоту, мы не будем слоняться по улицам, а пойдем ко мне в гости.

Собственно, звать подругу мне было некуда. Своей комнаты я не имел, а ночевал в проходной с телевизором. Но телевизионщики в этот день показывали какую-то оперетту, а моя бабушка была большой любительницей оперетты. Так что на время трансляции, я мог привести Таню в комнату бабушки. Громко музыку слушать не дадут, а в наушниках – пожалуйста.

Нахлобучив ей на голову наушники, я включил свой любимый альбом группы «Назарет» «Разаманаз». Таня погрузилась в мир музыки, а я воспользовался случаем и стал ее целовать. На этот раз я был смелее, одной рукой позволил себе гладить ее грудь. Благо, пальто было снято, и лишь кофточка была преградой. Но снимать ее было нельзя – в комнату в любую секунду могли зайти «черепа» или бабушка.

Через некоторое время Татьяна сняла наушники.

– Ты знаешь, когда я училась в школе, то грудь у меня начала расти чуть раньше, чем у одноклассниц. Помню, я тогда так стеснялась этого. Ходить на занятия для меня было пыткой. Казалось, что все смотрят только на мою грудь. Я буквально сгорала со стыда. Перетягивала их тканью, прижимала всячески. А потом формы начали вырисовываться у всех девочек в классе. У многих выросли очень даже приличные груди. А мои сейчас не сильно маленькие?

– В самый раз, – хрипло сказал я.

– У тебя нет альбома «Лауд Ин Прауд»?

– Нет.

– Там в конце такая длинная композиция, минут на десять-пятнадцать. Она мне на всю жизнь запомнилась.

Я ведь по дурости жадной к наркотикам была. Однажды пришли компанией к другу на квартиру. А у него много марихуаны оказалось в тот день. Забили косяк. Папироску по кругу пустили. Пацаны по короткой затяжке сделают и дальше передают. А когда до меня очередь доходит, то отворачиваются, по сторонам глядят. Я и воспользовалась – по четыре-пять затяжек делала. Потом вторую папиросу по кругу пустили. Третью.

Короче, покурила я и пошла в маленькую комнату. Включила там «Лауд Ин Прауд» погромче и кайф ловлю. Вдруг, когда пошла последняя длинная композиция, вижу, что комната сжиматься начинает. Потолок опускается, а стены сдвигаются. Я сжалась в комок, а потолок все равно давит на затылок, да и стены руки сдавливают. Внезапно, начинаю задыхаться. Комнатка уменьшилась, стала размером с коробку, воздуха не хватает. Хочу крикнуть, но не могу вздохнуть. Не знаю, как живой осталась.

А потом друг сказал, что меня наказали за жадность. Они специально давали мне возможность накуриться, делали вид что не замечают, как много я выкуриваю. Я благодарна им за урок. После этого перестала с жадностью кидаться на наркотики. Хотя эту гадость лучше вообще никогда не пробовать. Ты не пробовал?

– Нет.

– Правильно. Когда наркотиков нет, а организм требует, можно пойти на любую подлость.

У меня знакомая наркоманка была, ей всего четырнадцать лет было. Пришла я к ней в гости, а она хвастается мне, фотографии показывает.

К нам в Калининград группа «Интеграл» приезжала на гастроли. Не знаю, что они там отмочили, но теперь город для них закрыт. Прямо так и объявили, что «Интегралу» въезд в Калининград запрещен.

Помимо всего прочего, они у этой малолетки зависли. Устроили там секс с ней и ее подружками, да на фотоаппарат все это запечатлели. Она мне показывает фотографии и поясняет, вот этот здоровенный – Юра – самый наглый у них, вон в каких позах. Зато классно под гитару поет, есть у него песня такая – «Плот». А этот татарин – Бари – главный у них. Драчун страшный, но в сексе скромнее. Видишь, даже не раздет.

Я незаметно стащила у нее часть фотографий и ушла. Запрятала их на нейтральной территории и опять звоню в дверь. Так и так, говорю подруге, у тебя «стекло» есть, ампулы с морфием, значит, а у меня фотографии, где ты четырнадцатилетняя, от горшка два вершка, со взрослыми мужиками сексом занимаешься. Меняю фотки на ампулы. Откажешься, фотографии в ментовку сдам. Ей деваться некуда – согласилась.

– Расскажи, как в тюрьму попала, – попросил я.

– Это совершенно неинтересная история. У нас в Калининграде сквер есть, где наркоманы собираются. Там можно купить или продать наркотики. Или скинуться на дозу и пойти куда-нибудь. Например, на квартиру. Менты облаву сделали, а у меня в сумочке несколько ампул лежало. Вот и дали срок.

Мне было неприятно слышать отдельные фразы из уст Татьяны. Как это она пошла к кому-то на квартиру? А, может, сексом там занималась? А как же я? Ведь я люблю ее? Это я знал уже совершенно точно.

В то же время слушать истории было интересно.

– Расскажи про тюрьму, – заинтересовался я.

– Скучно там и тяжело. Любая приятная мелочь огромную радость приносит. Бывает лежишь на нарах, да через стенку перестукиваешься. Но это не так интересно, как по параше переговариваться.

– Как это?

– Ну, обычный туалетный телефон. Берешь рубашку, наматываешь на кулак, так чтобы как раз по отверстию унитаза размер получился. Затем этой рукой резко пробиваешь воду в трубу, как пандусом. Тоже самое делают в камере выше или ниже этажом. В итоге между отверстиями унитазов появляется воздушное сообщение, воды-то нет. Кричишь в парашу, а на том конце ухо прикладывают. И все слышно. Потом наоборот. Мы с одной девкой длительные беседы устраивали. Даже подружились.

– А на «химию» тебя почему перевели?

– Сначала я всячески режим нарушала, мне сказали, что от звонка до звонка сидеть буду. Я одумалась, стала себя хорошо вести, вот и перевели за год до конца срока.

– Послушай, ампулы-то ты где брала? Их что – в аптеке можно купить?

– Вообще-то можно, но маловероятно. Выдают только по особому желтому рецепту. И проверяют очень тщательно. А тебе зачем? Не советую я тебе связываться с наркотиками. Да и не достать их. Одна ампула морфия на черном рынке до ста пятидесяти рублей доходит. Я и сама категорически решила завязать с этим. Сама бы, может, и не остановилась, но тюрьма вынудила.

– Мне просто интересно. Я никогда с этим не сталкивался.

– Ладно, расскажу.

Татьяна повертела в руках наушники.

– Лучшее – это морфий и промедол. И то и другое бывает в ампулах по одному миллилитру. Промедол – двухпроцентный и однопроцентный, а морфий – только однопроцентный. Морфий дает резкий толчок, волну кайфа, которая проходит от головы до самого кончика ног, а промедол – ровный кайф где-то в течении часа. Я их перемешиваю: два куба морфия и три однопроцентного промедола. Причем промедол такой маслянистый. Как перемешал, сразу в вену загонять надо. Бывает еще промедол в таблетках, он даже лучше. Его в воде надо разводить.

– А таблетки какие бывают?

– Ну, это низший пилотаж. Я никогда ими не пользовалась. Правда, есть такой препарат «Ноксирон», его легко узнать – насечка на таблетке делит ее на три части. Сам «Ноксирон» кайфа не дает, но если употребить после дозы, то на часа полтора продляет эффект. Можно еще кодеин с сахаром употреблять, есть такие таблетки от кашля, но их сразу десяток глотать надо. Вообще, лекарства с кодеином в составе наркотическими считаются.

– А «Циклодол», – я вспомнил, как один знакомый рассказывал, что подругам в водку подмешивает этот препарат.

– Это психотропное лекарство. К наркотикам оно отношения не имеет. Только мозг разрушает.

– Понятно.

– Мне пора идти. Проводишь меня?

Пару недель спустя, произошло очень важное для меня событие. Другая бабушка, которая жила в отдельной квартире, собралась ехать в Казахстан в гости к старой подруге. «Черепка» нагрузили ее поручениями – купить там дешевых продуктов, а главное – мяса. У нас магазинах давно уже хорошей еды не продавалось. Уезжая, ключ от своей квартиры бабушка оставила моим родителям. Это и было главным событием.

Недолго думая, я стащил ключ. Днем отнес в квартиру магнитофон с катушками группы «Назарет», купил бутылку марочного вина, а вечером отправился к Тане.

Ехали мы на квартиру практически молча. Каждый думал о своем. Я задавался мучавшим меня вопросом: «Получится или нет? Стану ли я, наконец, мужчиной?»

Когда были на месте, я включил «Назарет» и открыл бутылку вина. Выпили по паре рюмок. Я начал «приставать» к Татьяне. Она была не против приставаний. Набравшись нагло-

сти, я сунул руку Тане под кофточку и нащупал грудь, ту самую, которой она когда-то в детстве стеснялась. Потом рука моя пошла ниже, наткнувшись на резинку трусиков.

– Чего мы мучаемся, – вдруг воскликнула Татьяна, и мы стали сбрасывать с себя одежду.

Оставшись голяком, мы продолжали целоваться. Я неловко повалил Танечку на диван, не забыв взгромоздиться сверху.

Это было не вполне удобно, так как я забыл впопыхах разложить узкий полутораспальный диван. Да и до того ли мне было? Адреналин до предела заполнил мой мозг, глаза я прикрыл, оставив узкие щелочки – так меньше стыда. Теперь можно и...

«А получится?» – мелькнула ужасающая мысль.

Полтора года назад я привел одноклассницу-второгодницу на деревенский сеновал, сунул ей меж ног указательный палец, но дальше дело не пошло. Я просто не знал, как это делается.

«Зато теперь знаю, все свидетели и участники подобного мероприятия опрошены,» – подумал я. – «Главное все сделать как можно быстрее. Пока она не передумала.»

Говорят, что человек видит Рай три раза в жизни: при рождении, во время первой близости и перед самой смертью. Не знаю, я ничего не видел. У меня были прикрыты глаза. А разве увидишь Рай через узкие щелочки?

– *Не траться*, – попросила Таня.

Я догадался, что слишком уж рьяно взялся за дело. Но в ту же секунду она переместила меня в нижнее положение, а сама уселась сверху, взяв инициативу в свои руки. Пауза в несколько секунд вкупе с большим нервным напряжением сделали свое дело. Я облажался.

До общежития мы добрались молча. Лишь прощаясь, она сказала:

– Давай останемся друзьями.

– Давай! – охотно согласился я, хотя совершенно не понял, какой смысл она вкладывала в свои слова. Спрашивать было неудобно после всего.

«Интересно! Считается, что я стал мужчиной или нет, учитывая все обстоятельства?» – думал я, возвращаясь домой.

– Давай, я буду называть тебя *братшишкой*, – предложила в одну из встреч Таня.

– А я тебя сестренкой, – охотно согласился я.

После неудачного пикника на бабушкиной квартире, наши отношения практически не изменились. Мы также регулярно встречались, бродили среди унылых зданий и разговаривали. Иногда ходили в кино. Один раз даже зашли в алкогольный бар, платила Татьяна – отмечала свою зарплату.

И все-таки что-то произошло. Поцелуи стали менее долгими, объятия – менее жаркими. Уединиться на какой-нибудь квартирке мы не предпринимали попыток. Впрочем, и возможности такой не было.

Клуб филофонистов я забросил – ходить туда теперь мне было совсем неинтересно.

Однажды утром ко мне подошел отец.

– Тетя Катя умерла. На похороны пойдешь?

Тетка была моей дальней родственницей. Я и видел-то ее несколько раз всего, но делать было нечего, к тому же, говорили, что она меня когда-то немного нянчила, поэтому я согласился.

Атмосфера на похоронах была... Впрочем, об этом можно догадаться.

Скорбно постояв у гроба, я двинулся в другую комнату. Здесь последнее время жила покойная. Запах умирающего человека уже выветрился, видимо комнату тщательно проветривали.

На подоконнике стоял большой полиэтиленовый пакет с лекарствами. Я нехотя шевельнул его рукой.

– Ничего интересного, – раздался голос у меня за спиной.

Я повернул голову. Это был один из родственников.

– У Катерины Ивановны был рак мочевого пузыря. Уже ясно было, что она скоро умрет. Поэтому ее не лечили, а только боль снимали.

– А я аспирин хотел найти. Что-то голова побаливает.

– Видимо она тебя вспоминает пока где-то здесь. Она же нянчила тебя. Мы все испытываем недомогание. Самое позднее, на девятый день все пройдет. К тому времени у нее много других, более важных дел будет.

Мужчина помолчал.

– Пойдем я тебе аспирин дам, у меня есть. А эти лекарства все переписаны. За ними скоро из поликлиники приедут и заберут.

Через пять минут я вернулся в комнату и разворошил пакет. Внутри наличествовал полный набор интересующих меня лекарств. Я сунул за пазуху три упаковки морфия, четыре – промедола и пару стеклянных пузырьков с промедолом в таблетках. Это была лишь часть наркотических лекарств. Все брать было опасно. Хотя и так был определенный риск. Лекарства-то переписаны.

Церемонию похорон я покорно вытерпел. Причинял неудобство лишь морфий. При каждом моем резком движении он противно шелестел, так как упакован был в полиэтиленовые пачки, закатанные в фольгу.

На кладбище я не поехал, рванул домой. Пока «черепов» не было, выложил награбленное и поразился. Если продать все это на черном рынке, то на вырученные деньги можно купить «Волгу». Но продавать лекарства я не собирался. Засунув в дальний угол тумбочки ампулы, я положил в карман лишь пузырек с промедолом в таблетках и пошел к Татьяне.

– А у меня для тебя маленький сюрприз, – заявил я ей при встрече. – Дай мне свою руку.

Таня протянула ладонь и я выложил на нее пузырек.

– Где достал?

– На похоронах, – честно ответил я.

Моя подруга очень взволновалась.

– А еще есть?

– Тебе что, этого мало?

– Не в этом дело. Когда обнаружат пропажу, может милиция нагрянуть и отыскать их.

– Да на меня и не подумают родственники. А если и подумают, то виду не подадут. Зачем им клин вбивать между родней?

– Всякое бывает. Ты должен все лекарства отдать мне.

– А если у тебя найдут?

– У меня не найдут. Я умею прятать.

– А если?

– Тогда загремлю только я. А вот если у тебя найдут, то загремим оба.

Я задумался, осмысливая аргументы.

– Не переживай, я просто так расхотел ампулы не буду. Только перед встречей с тобой.

Этим вечером Татьяна чересчур уж долго одевалась. Пока я ее дожидался, успел протоптать в снегу целую тропинку. Но когда она вышла, причина задержки была, как говорится, на лице. Под ее глазом красовался огромный синяк.

– Что случилось? – перепугался я.

– С соседкой подралась.

– Из за чего?

– Просто она меня ненавидит. Я, впрочем, теперь тоже ее ненавижу.

– Причина-то была какая?

- Нет. Успокойся ты, это обычные тюремные взаимоотношения. На зоне еще не то было.
- А я хотел с тобой в кино сходить.
- Какое тут кино с таким лицом. Давай лучше посидим где-нибудь на лавочке.

Подъезды она не любила. Считала, что там собирается всякая гопота. Поэтому мы сидели на лавочке, болтали и целовались. Когда Таня была под дозой, губы у нее были горячими и очень сухими.

- Сушняк, – поясняла она. – Так всегда бывает.
- А как ты умудрялась постоянно морфий находить? – удивлялся я.
- Постоянно не получалось, конечно. Искали и находили новые источники кайфа.
- Расскажи.

– У нас в компании таксист был, по тяжелому подсевший на наркотиках. Приходит как-то и говорит, что не мешало бы из обычного мака опий попробовать выделить. У него ломки страшные были, поэтому и воображение, в плане – где достать, работало четко.

Обычно опий получают из опиумного мака. Но такой в Калининграде не произрастал. Зато клумбы усажены обычным маком были.

Сели мы в его тачку и рванули по городу. Он, говорит, что нашел клумбу, где растет мак с большими головками. Прямо как у опиумного. Сорвали несколько кустов и на квартиру.

Он все сделал, как положено. Пониже маковой головки надрезал и свернутой уголке марлей стал сок собирать, густой такой и белый. Потом над зажималкой марлю подпалил до кофейного цвета и в столовой ложке прокипятил.

Когда снадобье остыло, мы укололись. Сидим – а ни фига, только голова разболелась да подташнивать стало. Ничего понять не можем. Вдруг один парень из нашей компании говорит, что не тот мак мы взяли. С большими головками он декоративный, выведен искусственно и опия не содержит. Надо обычный садовый попробовать.

Еще раз сгоняли на машине. Таксист повторил процедуру, наполнили шприцы и укололись. Бах!!! Волна по телу как хлынет! Садовый мак оказался годен.

Той же ночью мы бригадой отправились резать мак с клумб. Но слухи распространяются по городу мгновенно. Поэтому ночью можно было наблюдать уникальную картину – все маковые клумбы шевелились как живые. Это наркоманы собирали урожай в свои закрома. А наутро в городе не осталось ни одной клумбы с маком. Все было вырезано подчистую.

- Таксист был доволен? – мне вся эта история показалась забавной.

– Не долго он радовался. Мы маковый сок пережигали, а он не делал этого. Не пережженный опий куда сильнее действует. Но он очень опасен. Чуть превысил дозу и на тот свет. Так и случилось, вскоре мы его хоронили.

- А я в книге читал, что мак заваривают как чай.

– Сушеный заваривают.

– Как чай?

– Нет, мы по-другому делали. Часа три в кружке кипятить, а потом пьешь.

– Это вы от жадности.

– Наверное. Но для тебя мне ничего не жалко. Хочешь, дозу тебе поставлю? Хоть знать будешь, какой подарок мне сделал.

– Нет, спасибо. Я уколов боюсь.

Как-то раз, когда синяк под глазом моей подруги рассосался, мы сидели на последнем ряду в кинотеатре. Для Татьяны это было пустым занятием – находясь под дозой, она плохо запоминала происходящее на экране. Фильм к тому же был неинтересным. Поэтому вскоре мы вышли из кинотеатра и сели на лавочку.

Как я раньше не замечал такой красоты! Лавка находилась на возвышении, а прямо перед нами раскинулся широкий бульвар. Летом он был разноцветным – зеленые, аккуратно постри-

женные кусты, клумбы с желтыми и красными цветами, а местами фиолетовые анютины глазки. Зимой напротив, формы кустов и клумб оставались, но все было искристо белым, как кокаин. Особенно вечером, в свете уличных фонарей.

После дозы Татьяна любила вдаваться в воспоминания. Рассказывала о своих знакомых по Калининграду.

– Главное в жизни – уметь себя поставить. У меня был знакомый инвалид Гога, из дома вообще не мог выходить, подъезды не приспособлены. Толстый, косопузый, ноги парализованы, но в глазах что-то такое есть. Притягательное. Среди местных девчонок считалось хорошим тоном переспать с ним. Это считалось высшим сексуальным пилотажем – удовлетворить беднягу.

– Ты тоже с ним того? – я заревновал.

– Нет, что ты! У меня с ним ничего не было. Да и разборчив он был. Знаешь, сколько его внимания добивались? Там такие женщины были, что с моей весовой категорией даже соваться бесполезно было.

– Не такой уж он бедняга был судя по всему.

– Да, в его жизни были свои прелести. Хотя завидовать инвалиду – грех. Бывает летом врубит магнитофон на всю катушку, выкатится в коляске на балкон, американская сигарета во рту и обзревает с высоты свои владения.

– У меня тоже знакомый инвалид есть, – сообщил я. – Валеркой-Альпинистом зовут. Кликуха такая. Но у него даже балкона нет, не говоря уже о поклонницах. Да и вообще, я бы его жизни не позавидовал.

– Это как себя поставить, я уже говорила. Один знакомый по кличке Онанист...

– Я бы не хотел иметь такую кличку.

– А он и был прирожденным онанистом. Так вот, встанет возле окна, достанет свое хозяйство, снизу батарея греет, уставится в окно на прохожих и дробит. Моя подруга ему говорит, мол, жалко мне тебя, Онанист, дать тебе что ли? А он говорит, что с женщиной ему не интересно, гораздо лучше тихо самому, глядя на прохожих.

– У меня бы от вида прохожих даже не встал, – поделился я сокровенным.

Таня посмотрела на меня удивленно.

– Так значит ты не... То есть, я хотела сказать, что у тебя с потенцией все в порядке?

– Конечно. Еще как!

– А тогда? На квартире? Почему так произошло?

– Переволновался я просто сильно, очень уж хотел быть с тобой.

– Значит, ты не болен? – Татьяна еще более поразилась.

– Абсолютно здоров! А ты что? За импотента меня приняла?

– Честно говоря, были у меня такие мысли. Я еще после этого братишкой называть тебя стала, чтобы подчеркнуть, что наши отношения от этого хуже не стали.

– А я тебя сестренкой... Что мне, кстати, нравилось.

– Так значит у тебя все в порядке с этим делом? – Таня еще не вполне осмыслила открывшееся ей.

– Как ты могла такое обо мне подумать, женщина! – я немного иронизировал. – Ты должна узнавать звук моих шагов, как тот Лис. Зря мы что ли звездочки на небе загадали?

– Конечно, нет. Вон – твоя, а вон – моя. Знаешь, мне хочется сделать для тебя что-нибудь приятное.

– Давно бы так.

– Хочешь, я тебе миньет сделаю, как тогда? Прямо здесь, на скамейке.

– Пойдем лучше в подъезд.

– Не люблю я подъезды, впрочем, ладно.

Мы двинулись к ближайшему жилому дому.

– А ты мне потом как-нибудь сделаешь *лэк*. Знаешь что это такое?

– Нет.

– Это типа миньета, только наоборот – когда мужчина делает женщине. Я тебя научу потом.

– Уж пожалуйста не забудь.

Во дворе дома никого не было. Мы зашли в подъезд. Дом был старинной постройки, поэтому подъезд был теплым и просторным.

Я расстегнул ширинку. Татьяна как-то по-новому взглянула на то, что я достал. Но это было мимолетно. Минуту спустя, она сказала мне укоризненно:

– Не смотри на меня, это мешает.

Я тупо уставился в стену.

Когда дело было сделано, Танечка вышла из подъезда и сплюнула в снег. Я последовал следом за ней.

– Он у меня не слишком крупный? – застенчиво поинтересовался я.

– В норме, – успокоила меня Танечка.

– А то я где-то слышал, что большой член признак атавизма. Вроде бы от поколения к поколению он едва заметно уменьшается. И настанет время, когда у всех мужчин будут маленькие пиписки.

– В твоём лице генный прогресс еще не достиг своей завершающей стадии, но и у истоков развития человечества ты уже не стоишь.

– Это хорошо, а то я одно время стеснялся в бассейн ходить. Думал, что он у меня сильно выпирает. А если и приходил, то сразу в воду нырял. От холодной воды он быстро скукоживается.

Я еще хотел сказать, что то же самое говорят про женщин: чем меньше у них причинное место, тем более они высокоразвиты – но решил не развивать эту тему.

– Как говорила моя подруга: не бери в голову, а бери между ног – больше влезет. Короче, меньше об этом думай. Не забывай, что душа – Богу, а нам смертным – тело. Я ведь тебе рассказывала, как комплексовала в школе, когда у меня грудь расти начала. А потом нормально все. Главное не думать об этом. Не зря говорят: лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день за них идет на бой.

– Маленький Принц не шел на бой. Он не вмешивался в ход событий. Помнишь как он покорно принял смерть от Змеи?

– А почему ты решил, что он *погиб*?

Наркотики у Татьяны закончились куда быстрее, чем я мог себе представить. Удивительно, но их отсутствие она пережила совершенно спокойно.

Восьмого марта я решил преподнести ей очередной подарок. Моя мать по великому благу достала небольшую коробку конфет «Птичье молоко». Эти конфеты я и собирался ей подарить. Но был у меня для Тани еще один сюрприз: я решил ей на время дать в общежитие свой магнитофон. Пусть в мое отсутствие слушает свою любимую группу «Назарет».

Утром я уже стоял с подарками возле окон ее общежития. Радости Тани не было предела. Как же, теперь у нее в комнате будет магнитофон. Она пошла его относить, а коробку «Птичьего молока» предусмотрительно оставила со мной.

– Еще тетки соседские съедят.

Когда она вернулась, мы решили сходить в гости к моему великовозрастному другу Сереге. Чтобы не идти с пустыми руками, зашли в магазин и купили бутылку водки. Дорога предстояла не длинной: он жил в минутах пятнадцати ходьбы в старой коммуналке.

На улице таяло. Ослепительное солнце приканчивало залежалый снег, текли ручьи. Не каждый день в начале марта случается такая погода.

У Сергея, тем временем, в единственной комнате уже был накрыт небольшой семейный стол. Были все: жена, тоже Татьяна, пятилетняя дочь Лариска и четырехлетний Коська.

– Привет, а я тебе бабу привел! – пошутил я пропуская вперед Таню.

Это была типичная шутка между нами.

Достали бутылку водки, которая не оказалась на столе в гордом одиночестве, разделись и сели за стол. Когда подняли рюмки, Сергей провозгласил тост:

– За лучшее, что есть на свете! За баб!

Шутки Сергея порой не имели границ. Вот и теперь, не успели мы выпить, как он оглушительно пернул.

– Как тебе не стыдно, Лариса! У нас гости за столом, а ты такое себе позволяешь, – сваливал он свой грех на дочь.

Я, честно говоря, в эту секунду даже растерялся и забыл поднести рюмку ко рту.

– Хуй выпал, а ты ебешь! – подбодрил меня Сергей своей любимой поговоркой. Это можно было истолковать в том смысле, что пора пить, а я о чем-то задумался.

В этом доме любили выпить. Тосты шли стремительно один за другим. Бутылки быстро пустели. Я, в целях самосохранения, пропускал большинство рюмок, тяги к спиртному у меня не было. А вот Татьяна пыталась не отставать от хозяев, что и привело к печальным последствиям.

Вскоре она потеряла контроль над собой и, как подстреленная птица, рухнула со стула.

– Слабачок, – прокомментировал падение Серега и отнес с моей помощью тело на кровать.

Через несколько минут хозяева засобирались.

– Мы к соседям на полчаса зайдем, поздравим их, – объяснила жена Сергея.

Сам глава семейства подошел ко мне и посоветовал:

– Ты пока трахни ее, чего скучать-то?

– Она же без сознания, – возразил я.

– Так оно и лучше, ничего помнить не будет.

Забрав с собой детей, они пошли к соседям.

Я подошел к кровати и придирчиво осмотрел «труп». Видимо, в какой-то момент Татьяне стало плохо, так как возле ее лица растеклась небольшая лужица блевотины.

Поморщившись, я повернулся к окну и так простоял полчаса. Или мне это только показалось?

Когда семья вернулась, я подошел к Сергею и заговорщицки произнес:

– Получилось.

– Ладно, не ври, – отмахнулся Сергей.

Когда я провожал Татьяну к общежитию и болтал о всякой ерунде, она меня внезапно спросила:

– А ты меня не раздевал?

– Не-а.

– Странно, у меня какое-то ощущение...

– У меня для тебя важная новость, – сообщила при очередной встрече Танечка. – Я поплыла.

– Что значит «поплыла»? – не понял я.

– Менструация у меня началась.

Я плохо разбирался в подобных вещах, поэтому решил промолчать, дабы не выказывать свою необразованность.

– Теперь я вся запеленатая, – продолжала Таня. – Вот, потрогай.

Она взяла мою руку и приложила ее в районе ширинки своих джинсов. Действительно, лобок выпирал несколько сильнее, чем обычно.

– И надолго?

– Не знаю, у меня с этой тюрьмой восемь месяцев не было менструации. Обычно она идет три-четыре дня, а сейчас может и на несколько недель затянуться.

– А я как раз собирался найти для нас уединенное место, – расстроился я.

– Все мое время, – успокоила меня Татьяна. – Я думала на эту тему. Мы можем в пункте проката летом велосипеды взять и ездить на природу.

– Отлично! Поедем – куда захотим, остановимся – где захотим!

– Вся область будет в нашем распоряжении.

– И мы будем вдвоем покорять ее.

– Ой! – встrepенулась Таня. – Еще одна капля вышла.

– Ты чувствуешь?

– Конечно, это же моё.

На меня грузом свалились женские проблемы. Меня распирало от чувство собственной значимости, чувства посвященности.

В один из субботних дней отец отгонял в гараж машину и вернулся домой во взвинченном состоянии.

– Где твоя подруга работает? – набросился он на меня.

– В столовой, – ответил я абсолютно честно.

– Возвращаемся мы с Васькой-соседом из гаража, – рассказывал он матери, – вижу его подруга идет.

Отец кивнул на меня.

– Я Ваське говорю: вон Витькина подруга идет. А она вдруг заходит в общежитие. Васька, мне говорит: так это же общежитие «химиков». Я чуть со стыда на месте не сгорел.

– Прекращай с ней встречаться, – потребовала мать. – Обокрадет еще нашу квартиру.

– Она не воровка, – выкрикнул я.

– А за что она на химию попала? – спросил отец.

– За наркотики.

– Совсем плохо, – расстроился отец. – Я-то думал, может по молодости, по глупости где-нибудь на стреме стояла. А она за наркотики. Совсем конченная девка.

– Ты должен с ней порвать, – заявила мать. – Можешь сегодня встретиться и все объяснить. И больше что б ни единой встречи!

– Я не буду с ней расставаться. Она мне ничего плохого не сделала.

– Толку от нее все равно не будет! – отрубил отец. – Наркоман – конченный человек!

Она и детей тебе родить не сможет даже...

– А мы не собираемся жениться. В конце года она домой уедет.

– Она хоть знает, что тебе всего семнадцать? – спросила мать.

– Знает, – пришлось мне соврать.

– Ты несовершеннолетний. Так вот скажи своей подруге, если вы не расстанетесь, то мы заявим на нее в милицию. Скажем, что она тебя растлевет. И ее, будь уверен, очень надолго упрячут.

– Но ведь это неправда! – воскликнул я.

– Ну и что? Мы с отцом вынуждены будем на это пойти. Так передай ей. И если она не полная дура, то сама с тобой прекратит всякие встречи.

Через тридцать минут я встретился с Татьяной и передал ей содержание разговора с «черепами». Не стал только говорить, что мне еще на самом деле нет восемнадцати.

– Ничего страшного, – успокоила меня Татьяна. – Первое время будем встречаться как можно реже. А летом возьмем в прокате велосипеды, и тогда нам никто не помешает оставаться вдвоем. Вся область будет в нашем распоряжении.

– Только магнитофон пока отнести придется, чтобы не вызывать у них подозрение, – успокаивался я.

– Ладно, переживу...

– Слушай, – пришла мне в голову идея, – а ведь магнитофон тоже в прокате можно взять. Причем сразу, не дожидаясь лета.

– Видишь ли, мне не дадут. У меня нет паспорта, только справка о досрочном освобождении. Срок-то у меня не закончился.

– Зато у меня есть! Сейчас мой магнитофон занесем, я возьму паспорт и сразу пойдем другой возьмем.

На том и порешили.

Таня вынесла магнитофон, подождала у моего дома, пока я его заносил и незаметно от родителей брал свой паспорт.

В пункте проката стоял всего один подходящий магнитофон.

– Можно взять на месяц? – спросил я.

– Паспорт давайте.

Я вытащил документ. Приемщица быстро его пролистала и вернула мне.

– Вам нельзя пользоваться услугами проката.

– Почему? – удивился я.

– Вы несовершеннолетний, вам еще нет восемнадцати лет.

Из пункта проката я вылетел пришибленный.

– Нам с тобой лучше расстаться, – на Татьяне лица не было.

– Ты так считаешь?

– А ты разве хочешь, чтобы твои родители посадили меня в тюрьму. Мне хватило. Я больше не хочу туда.

– Они только грозились. Вряд ли они свои угрозы выполняют.

– А если выполняют? Если они на меня напишут телегу в органы?

Я молчал.

– Извини, я пойду.

– Подожди еще чуть-чуть!

Она остановилась.

– Таня, я люблю тебя. Я никого еще так сильно не любил.

– Что же делать? Нам ведь все равно надо немедленно расстаться. Ты хоть это понимаешь?

– Понимаю. Постой...

Я сделал шаг к ней, обнял и поцеловал.

– Прощай, сестренка.

– Прощай, братишка.

– Прощай, моя Роза.

– Прощай, мой Маленький, действительно маленький, Принц.

Проходили месяцы. Постепенно боль потери утихала.

Как-то летом я бродил по городу и зашел в аптеку. На прилавке среди других лекарств лежала пачка «Пенталгина». Обычная тройчатка. Только с кодеином. Не долго думая, я купил две пачки таблеток. Рецепт на них даже не спросили.

Вечером пришел в гости к Голдману. «Черепов» у него дома не было.

– Лева, покайфовать не желаешь? – предложил я ему.

– Почему бы нет?

Мы пошли в туалет, и каждый проглотил по десять таблеток, запивая их из под крана.

– Что-нибудь чувствуешь?

– Пока нет.

– А у меня, кажется, что-то заиграло в голове.

– О! Теперь и у меня!

Голова кружилась все сильнее, и я побежал домой. Родители уже спали. Я тоже лег, но заснуть не мог. Мне казалось, что диван, на котором я спал, раскачивается. Я вцепился в него, чтобы не вылететь. И тут мне стало совсем дурно.

Я побежал в туалет. Внутренности выворачивало наизнанку. Меня тошнило.

Наутро зашел к Голдману и пожаловался на свое вчерашнее состояние.

– А я встал, – улыбался Лева, – оперся на стену, а стена возьми, да отодвинься. Так и рухнул возле кровати.

Собирался дождь. Я, немного поболтав слевой, пошел домой.

Поглядел в окно. О подоконник стучали крупные капли дождя. Я достал несколько листов бумаги, сел за стол и начал писать:

«За окном лил проливной дождь.

Антуан де Сент-Экзюпери сидел в кресле возле камина и курил марихуану. Состояние у него было расслабленное.

Внезапно в дверь постучали. Знаменитый писатель встал и пошел открывать.

На пороге стоял Маленький Принц. Волосы и одежда на нем были мокрыми. Сент-Экзюпери молча взял мальчика и провел его в дом. У писателя было много вопросов к нему, но он не торопился их задавать. Глупо задавать человеку вопросы, особенно маленькому, когда он стоит весь мокрый.

– Хочешь, я тебе приготовлю горячий чай?

Не дожидаясь ответа, писатель сходил за чашкой чая. Но Маленький Принц к ней так и не притронулся. Постепенно он начал обсыхать. Писатель знал, что любой заданный им вопрос, гость посчитает пустяком и даже не будет на него отвечать. Поэтому он ждал.

– Нарисуй мне розу, – внезапно попросил Маленький Принц.

Писатель взял листок бумаги и, как умел, нарисовал розу.

– Это не та роза. Нарисуй мне розу без шипов.

– Мальши, но ведь таких роз не бывает.

– Бывает. Есть, по крайней мере, одна такая роза.

Сент-Экзюпери очень удивился, но послушно нарисовал розу без шипов. Маленький Принц долго рассматривал рисунок, а потом внезапно заговорил:

– Когда меня укусила Змея, я потерял сознание. Но вскоре пришел в себя. Змея уползла. Она сказала, что не стала меня убивать, потому что есть место, где меня любят и ждут. Она могла читать мысли. Тогда я полетел на свою планетку.

А дальше произошло вот что:

Маленький Принц быстро отыскал свою Розу.

– Здравствуй, милый Маленький Принц, – сказала та.

– Как я счастлив, что ты жива! – воскликнул Маленький Принц.

– Здесь было много ураганов, но меня спасли четыре моих шипа. Ты помнишь их? Это не простые шипы: один – любовь, второй – верность, третий – благородство и четвертый – память. Благодаря им я выжила.

Маленький Принц стал еще усерднее поливать свою Розу. А короткими вечерами садился возле нее и рассказывал о своих странствиях, показывал рисунки. Роза слушала и дарила ему свой волшебный аромат.

Однажды она ему сказала:

– *Послушай, Маленький Принц. Я сегодня почувствовала, что стала расти. И правда, она вытянулась и окрепла. Вскоре она стала одного роста с Маленьким Принцем.*

– *Мне скучно, – сказала Роза, когда он в очередной раз рассказывал о своих путешествиях, и потребовала: – Лучше спой мне!*

– *Но я не могу петь.*

– *Тогда расскажи о розах.*

– *Зачем тебе? Ты ведь самая большая и самая красивая.*

– *Ну, ладно, – успокоилась Роза, – тогда молчи и не мешай мне любоваться собой.*

Когда Маленький Принц в очередной раз пришел поливать Розу, она сказала:

– *Ты такой маленький. Уходи, мне с тобой неинтересно.*

– *Но ведь нас многое связывает, – возразил Маленький Принц.*

– *Вот что нас связывало, – сказала Роза, и кивнула на четыре шипа, которые валялись на земле, как использованные иглы от шприца. – Я стала большой, и теперь мне не страшен любой ураган. Мои корни уходят глубоко в землю, и я всегда найду себе воду. А теперь уходи!*

И Роза отвернулась.

– *Тогда я ушел, – закончил свой рассказ Маленький Принц.*

Сент-Экзюпери сидел и молчал. Он не знал, что посоветовать Маленькому Принцу. Но тот и не ждал совета. Он положил в карман листок с нарисованной розой и тихо вышел на улицу.

Опомнившись, писатель подбежал к двери. За сплошной стеной дождя ничего не было видно.

– *Маленький Принц! – крикнул он.*

Тишина в ответ.

Антуан де Сент-Экзюпери вернулся в комнату, сел в кресло и достал из шкатулки шприц. Когда наркотик подействовал, зрачки писателя сузились, он откинулся на спинку кресла и ушел в прострацию.

– *А, может, это было видение? – запоздало подумал он.»*

Исписав листки, я запечатал их в конверт и надписал Танечкин калининградский адрес. Конечно, она еще была здесь, но я не знал, как пишут письма в общежитие «химиков». На улице я опустил письмо в почтовый ящик.

Прошел год, который принес много событий. Моя семья переехала в новую, более просторную квартиру. Теперь у меня была своя отдельная комната. И приводить в гости я мог кого захочу.

Кроме того я познакомился с Галиной. Она тоже была иногородней. Из Свердловска. Когда она проходила производственную практику в нашем городе, я познакомился с ней.

Летним днем я сидел возле подъезда, где жила моя бабушка и где когда-то мы с Татьяной под группу «Назарет»...

Впрочем, о ней в те минуты я не вспоминал. Я ждал Голдмана, с которым мы собирались пойти за пивом.

И тут меня окликнули.

Это была Татьяна. Абсолютно такая же, какой была больше года назад. Может быть чуточку поправилась, да одета посолиднее.

– *Что здесь делаешь?*

– *Приятеля жду.*

– *А я переехала. У меня теперь новая двухкомнатная квартира.*

– *Правда?*

– *Я замуж вышла.*

- Поздравляю.
- Пойдем ко мне в гости?
- А это удобно?
- Абсолютно!

Конечно, они были не расписаны. Хотя какое значение это имело для меня спустя столько времени?

Ее новый парень давно отслужил в армии и был авангардным художником. Картины были красивыми, но несколько странными. На одном холсте совмещались лики святых и черепа со змеями. Прямо какая-то дьявольско-религиозная тематика.

- А ведь я нашла альбом «Лауд Ин Прауд». Послушай ту самую вещь.
- Навалилась музыка.

*There's seven people dead, on a South Dakota farm
There's seven people dead, on a South Dakota farm
Somewhere in the distance
There's seven new people born.*

На мгновение мне показалось, что стены сжались, и нечем стало дышать. Крик застрял в горле. Но через секунду все прошло.

Татьяна (*Как же ее по отчеству?*) казалась в интерьере расчетливой домохозяйкой.

«Когда-то она была расчетливой наркоманкой», – подумал я.

– Записать вам музыки на катушки? – предложил я.

– Будем рады, – ответил муж.

– Заберете через два дня, – сказал я. – Только я сам не смогу подъехать. Таня, ты зай-
дешь?

Семейка переглянулась.

– Лучше я зайду, – сказал художник.

«Господи, она ему все рассказала», – подумал я.

Конечно, она рассказала ему каким я был неумелым. И, наверное, добавила, что секс у нас был всего один раз, да и то не по-настоящему. А сейчас они думали, что я хочу заманить Татьяну к себе домой и изнасиловать. Они не понимают, что мне просто приятно ее увидеть у себя дома, поболтать. Они меня боятся.

Пришла ко мне все-таки Татьяна, а не он. Не знаю, почему она решилась в последний момент. Но вела себя отстраненно, хоть и дружески.

Окно было раскрыто. Покачивались листья на тополе.

Несколько минут поболтали: когда в армию, есть ли девушка – так, о всякой ерунде. Но знакомство с ее «мужем» все нарушило, разговор не клеился. Я отдал записанные катушки и пошел проводить Татьяну до автобуса.

Когда автобус скрылся за поворотом, я повернулся и направился на телеграф. Я хотел позвонить Галине.

1998 г.

Теплоходство

Посвящая Олегу, лучшему пассажирскому администратору.

Глава К

К борту теплохода «Ольга Садовская» примыкал небольшой узкий трап, предназначенный для служебного пользования. Проникшийся мыслью, что он допускается в святая святых, Лев Голдман стал гордо подниматься по металлическим ступенькам. Трап охранялся. Наверху стоял широкомордый черноволосый матрос.

– К кому?

Голдман протянул направление из отдела кадров.

– Новый моторист? В каюту второго механика.

– А где она?

– На шлюпочной палубе, – матрос рукой указал на лестницу, по которой можно было подняться коротким путем.

Это был первый рабочий день Голдмана в Дальневосточном ордена Ленина морском пароходстве. И этот день ему не особо нравился. Лева был скорее электриком, чем мотористом. Точнее электриком первого класса, мотористом второго класса – это значилось в его дипломе. Причем о специальности «моторист» он имел самое смутное представление. Дело в том, что в то время, а это был 1986 год, была мода обучать совмещенным профессиям. Основная профессия была – электрик, но отдел кадров был озабочен тем, что перед отходом пассажирского лайнера «Ольга Садовская» на борту не хватало одного моториста. Поэтому Голдмана, недолго думая, отправили именно на этот теплоход и именно мотористом.

– Хлиме-е-енко-о!!! – невдалеке раздался зычный рев.

– Дракон зовет, – прошептал матрос втянув голову в плечи. Источником рева был приземистый мускулистый и очень пузатый мужик, руки которого покрывал комплект морских наколок. Голдману некогда было наблюдать за развитием событий, и он отправился искать каюту второго механика.

Его резиденция располагалась в красном коридоре. Рядом находились двери кают старпома, замполита, стармеха и капитана.

Второй механик был мужчиной среднего телосложения, с небольшим животиком и ехидным взглядом.

– Водку пьешь? – спросил он, положив подбородок на грудь и скрестив пальцы на животе.

Первой мыслью Левы было, что его приход на судно начальство хочет отметить надлежащим образом. Но вспомнив, что Михаил Горбачев объявил войну пьянству, Голдман отрицательно мотнул головой.

– Врешь! – решил второй помощник. – А если не врешь, то все равно сопьешься.

Такой вывод несколько расстроил Леву.

– Вахту будешь нести с четвертым механиком два раза в сутки: с восьми до двенадцати утра и с восьми до двенадцати вечера. А поселим мы тебя к электрикам. Пойдем, покажу твою каюту.

Если корабельное начальство имело поистине барские апартаменты, то этого нельзя было сказать о рядовых членах экипажа. Жилой отсек располагался на главной палубе почти у самой кормы. Коридоры были более узкими, каюты – более тесными. Да и жили в каютах по двое-трое. Это касалось и каюты электриков. Размером она была метра два в ширину и три с половиной в длину. Справа от двери находился умывальник, вплотную к нему тянулись две шконки,

верхняя и нижняя, а возле самого иллюминатора спинкой к борту стояла небольшая кушетка. По другую сторону было два маленьких встроенных шкафчика для одежды, рундука, и металлический письменный столик, похожий на верстак.

Второй механик завел Голдмана в каюту и ушел.

На единственном стуле, выдвинув ящик стола и перебирая болтики, сидел однопартнер Голдмана Петя Ивин.

– Привет, Лева!

Привет, Петя.

Лева после мореходной школы взял на четыре недели отпуск и съездил к родителям в Западную Сибирь, а Петя сразу же «сел» на «Ольгу Садовскую», поэтому уже прекрасно ориентировался в паромных делах.

– Я слышал, у вас на корабле дракончик завелся. Или это крыша у отдельных представителей экипажа едет?

– Бывает и крыша едет, – Ивин засмеялся, – но в основном не от этого. А драконом боцмана называют. Это такой морской сленг.

– Да я знаю. В мореходке еще про боцмана был слышан.

– Кое о чем мы действительно там слышали. Но далеко не о всем. Вот тебя кем на работу взяли? – Петя ткнул пальцем во впалую Левину грудь.

– Этот ублюдок Кошкин, начальник отдела кадров, отправил меня на «Садовскую» мотористом первого класса.

– Это он погорячился, ведь в дипломе у тебя только моторист второго класса. Вместе ведь учились? Но дело даже не в этом. На морском сленге, – Ивин очень любил иностранные слова и по любому поводу их смаковал, – моторист зовется мотылем или маслопупом.

– Почему это меня надо звать маслопупом? Ну, мотылем еще туда-сюда... – Голдман сделал вид, что обиделся.

– А ты в машинное отделение спускался?

– Нет еще. Первая вахта в восемь вечера.

– Когда после вахты будешь на несколько раз грязь и мазут с себя смывать, поймешь.

– Что, так грязно?

– Не то слово...

– Ну ладно, допустим я маслопуп, хотя мотыль как-то попримечнее, а ты, как электрик, кем будешь?

– Я – темнила! – гордо сообщил Петя Ивин.

– Ясно! Темнить ты умеешь.

– Это еще не все. Токарь на сленге, – это точила. Старший моторист – стармот, с этим вроде бы все ясно. Переходим к пассажирскому составу, бортпроводницы – это те, что прибираются в пассажирских каютах зовутся номернушками.

– А я тоже жаргончик придумал, – похвастался Голдман, – сварщик – это держак. В смысле, которым электрод держат.

– Мне нравится твоя мысль, но переходим к руководству судном, – Ивин глубоко-мысленно закатил глаза. – Капитан – это мастер, старший помощник или старпом – это чиф. Сплошные английские названия. Но есть и русские: старший механик, стармех – дед, по нашему...

Открылась дверь каюты. На пороге появился худенький, грязный парень. Пахло канализацией.

– Петя, ты биль в столовой команды? – у вошедшего наблюдался очень специфический дефект речи.

– Нет, так ведь жрать еще рано...

– Спустись, там такое творится!

Дверь захлопнулась.

– А вот это системный механик, отвечает за водопровод, канализацию и всякие ассенизаторские отходы. Его на судне зовут королем говна и унитафов.

– Чего там случилось-то? – поинтересовался Голдман.

– Не знаю, пойдем и посмотрим, мне все равно долго в каюте в рабочее время нельзя сидеть.

В столовой команды находилось человек десять. Слухи по кораблю распространялись так же стремительно, как триппер по общежитию педучилища. Все стояли и смотрели в угол возле телевизора. На полу лицом вниз лежала девушка лет двадцати. Ее левая рука была неестественно вывернута за спину. Рядом с телом «ковырялись» два сотрудника милиции. Один осматривал место происшествия, другой с его слов записывал.

– Несколько ударов твердым тупым предметом, но не головой, скорее всего стулом. Один пришелся по лицу, сломан нос, остальные – по затылку. В итоге сломан шейный позвонок, что по предварительному заключению и явилось причиной смерти. Да, еще вывих левой руки. Похоже ее держали за руку, когда били. Хотя, может быть, руку она подвернула при падении. Скорее всего избивал один человек.

В столовую вошел старпом.

– Всем разойтись по рабочим местам. Кого через пять минут здесь увижу, получит выговор со всеми последствиями.

Голдман удивился тому, как спокойно восприняли происшедшее члены экипажа. С подобным абсурдом он сталкивался только будучи в рядах доблестной Советской Армии. Однажды солдат из их взвода изнасиловал пятидесятилетнюю женщину. И весь гарнизон, включая высший командный состав, прятали насильника от правоохранительных органов. Не портить же из-за какой-то бабы отчетность воинской части! На теплоходе тоже царил абсурд. Но свой. Теплоходский. Он накладывал свой специфический оттенок на взаимоотношения. И многое, что в обычной ситуации выбило бы из колеи на многие часы, а то и дни, воспринималось здесь философски, если не обыденно.

Приятель поднялся на главную палубу, а оттуда вышли на корму.

Справа величественно возвышался морской вокзал. Слева виднелся мыс Чуркина, где разгружались рыболовецкие суда. Амурский залив, да и сам город Владивосток прекрасны в любое время суток. Дул легкий ветерок. Голдман спросил:

– Что это за девушка?

– Буфетчица. Всего один рейс была на «Ольге Садовской». Я толком даже имени ее не знаю.

– А за что ее убили?

– Спроси что-нибудь полегче. У нее здесь подруг не было, любовника, вроде бы, тоже не успела завести. Понятия не имею, кому она могла помешать. Да, и помешала бы, не убивать же.

– А рейс из-за этого не задержат?

– Не должны, а вот капитану может не поздоровиться.

– Снимут?

– Кто его знает. Органы непредсказуемы. Ладно, пошел я работать, а ты исследуй пароход, может пригодиться.

– Я так и поступлю.

Несмотря на то, что судно было всего сто метров в длину, палуб на нем хватало.

Самая верхняя – навигационная – была небольшой. Располагались на ней всего лишь мачта, радар да верхушка пароходной трубы, из которой во время движения валил густой черный дым. Но пока судно стояло в порту, дышать можно было без опасения за свои легкие.

Ниже располагалась палуба мостика. Здесь находилась рулевая рубка, называемая мостиком и несколько технических помещений.

Шлюпочную палубу занимали каюты высшего командного состава – пресловутый «красный коридор». Судовому начальству полагались огромные каюты с личным санузелом. С высоты мочиться на подчиненных – это привилегия. А капитан, он же – мастер, еще имел и персональную ванну. Кроме того, каюты поменьше предназначались более «мелкому» руководству.

Верхняя палуба была самой интересной. Здесь был выход на бак, проще говоря, на нос судна с лебедками и входом в трюм. На корме – бассейн и волейбольная площадка под открытым небом. А в промежутке между баком и кормой – бар, ресторан, музыкальный салон, кино-театр, библиотека, теннисный и спортивный залы, игровые автоматы и единственная каюта «люкс».

На главной палубе была большая часть пассажирских кают, ближе к корме жили машинная и палубная команды и пассажирский состав: бортпроводницы, коридорные, дневальные.

На нижней палубе пассажирские каюты были дешевле, но соответственно иллюминаторы там не открывались, была постоянная духота и легкий шум машинного отделения. Несколько кают у входа в машинное отделение занимали официантки и повара.

– А еще ниже – машинное отделение, почти через час, в двадцать ноль-ноль ты пойдешь туда нести вахту! – это Ивин немножко испортил настроение Голдману.

Вечером в каюте электриков помимо Пети Ивина и Левы Голдмана находились еще двое: старший электрик Витя Матушкин, он был третьим и главным жильцом этой каюты, и пассажирский администратор Олег Ковалев.

– Приятно посидеть с нормальными людьми! – выразил свои чувства Матушкин. – А то я тут как-то номернушку Наташу Бардакову пригласил на кофе, так эта сука две ложки с верхом растворимого на маленькую чашку насыпала.

Ковалев замялся, чашка застряла в паре сантиметров от рта.

– Нет, нет! Тебя, Олег, это не касается! – исправил положение Матушкин.

Олег Ковалев был человеком глубоко интеллигентным, что не мешало ему периодически хватать за задницу пробежавшую мимо бортпроводницу, и посылать на три буквы мелких судовых начальников. Полгода назад он с успехом окончил Дальневосточный университет, где в совершенстве овладел китайским и английским языками, причем китайский знал как свой родной русский. Но почему-то такие знания ни во Владивостоке, ни в его окрестностях спроса не имели, поэтому, посидев какое-то время дома, он устроился на пассажирский теплоход Дальневосточного морского пароходства администратором.

Что такое пассажирский администратор? Вопрос, на который ответить трудно даже тому, кто довольно долго проработал на пассажирском судне. Скажем так, это заместитель пассажирского помощника капитана. В его обязанности входит проверка билетов у пассажиров при посадке, контроль за работой бортпроводниц и периодическое дежурство в администраторской – в месте, куда пассажиры обращаются со своими проблемами.

Что касается Вити Матушкина, то он был старше своих коллег. Если основной возраст команды был двадцать с небольшим лет, то Виктору было уже тридцать. При этом он был не женат. Все это, конечно, отложило определенный отпечаток и на характер. Матушкин привык, что каждая вещь лежит на своем месте, в туалет ходят в строго определенное время, а кофе пьют определенными дозами. Должен сказать, что трудностей для общения эти привычки не создавали. Возможно потому, что Матушкин был человеком умным и в критический момент умел находить компромисс. Единственное, с чем он был в постоянном конфликте, так это со своей не по годам ранней лысиной.

– Наташа Бардакова – это еще тот кадр! – выразил мнение пассажирской команды Олег. – Спит на ходу, в постоянной отключке...

– Ее никто расшевелить не пытался, трахнуть что ли? – поинтересовался Матушкин.

– Матрос Сашка Истомин к ней клинья бил, но, насколько я знаю, ничего у него не вышло.

До нее так и не дошло, чего же от нее хотели, – сообщил Ивин.

Витя улыбнулся и объяснил Лева:

– Истомин – наш половой террорист. Несет вахту рулевым матросом на мостике. Вахта у него по времени такая же, как и у тебя – с восьми до двенадцати утром и вечером. Стоит он на мостике утречком, а пассажиркам же все интересно, вот они и прутся на мостик. Сашка им популярно объясняет, что сейчас занят, но после вахты, пожалуйста, покажет пароход. Экскурсия, как правило, заканчивается в его каюте на шконке. Вечером история повторяется. В день Сашка имеет двух пассажирок, всегда разных.

– Хорошая жизнь, – поддакнул Лева.

– А сейчас для него и вовсе жизнь райская пошла. Целый месяц будем верботу возить. – Матушкин мечтательно прикрыл глаза.

Выражение «возить верботу» означало, что пароход под завязку, двести пассажиров, загружен молодыми девицами, которые отправляются по контракту на остров Шикотан. Такой контракт обычно заключается на пять месяцев. Весь этот срок молодые девушки работают на острове в Южно-Курильской гряде по двенадцать часов без выходных. Работа заключается в разделке лососевой рыбы. Икра закатывается в одни банки, куски рыбы в другие.

– И что же они такие падкие на мужиков? – наивно спросил Лева.

Старший электрик разъяснил:

– Перед отправкой им описывают красоты острова Шикотан. Среди его достопримечательностей есть одна весьма насущная: по всему острову можно насчитать от силы десять мужиков. Верботы же нагоняют в рыбный сезон тысяч пять и все девки молодые. А как пять месяцев жить без толстого хрена? Вот они и отрываются на пароходе.

– Но тебе это не грозит, Лева. В двадцать ноль-ноль ты отправишься на вахту в машинное отделение, а туда ни одну девку и близко не подпустят. – Ивин улыбнулся.

– Зачем ты его пугаешь? После полуночи возьмет свое. – Успокоил Ковалев. – Сам я, пожалуй, не буду принимать участия в оргиях, мне номернушек хватает.

– Курить хочется, – пожаловался Голдман.

– В каюте нельзя, – проявил власть Матушкин, – пойдем на «пять углов». Петя, как единственный некурящий, моет чашки.

«Пятью углами» называлась площадка в расположении кают команды, одно из немногих на пароходе мест, где экипажу разрешалось курить. Прислоненная к переборке стояла скамейка, рядом висел телефон. По бокам этой площадки с обеих сторон тянулся коридор, вдоль которого находились каюты рядовых членов экипажа.

На «пяти углах» сидел матрос Игорь Хлименко и вертел в руках пустой граненый стакан. Троица уселась рядом.

– Внимание! Смертельный трюк! – Хлименко поставил стакан доньшком на ладонь и примерился.

– Кончай свои трюки! – вмешался Матушкин.

Но было поздно. Рука со стаканом мелькнула в воздухе и врезалась матросу в лоб. На пол посыпались осколки. На лбу не было не царапины.

– Это еще что, – похвастался Хлименко, – я один раз таким же образом бутылку из-под шампанского расколотил.

– Игорек, никак ты опять пьян? – поинтересовался Ковалев.

– А что? Отплытие отметил! – матрос посмотрел мутноватым взглядом на Голдмана. – Новичок?

Голдман кивнул головой и протянул руку:

– Лева.

– Как же тебя, Лева, на проститутку угораздило сесть?
– На какую проститутку? – не понял Голдман.
– Как это на какую? На «Ольгу Садовскую»!
– Она ж вроде актрисой была...
– Верно, – Хлименко хитро прищурился. – А все пароходы, названные в честь актрис, у нас проститутками называют: «Машка Савина», «Любка Орлова», «Ольга Андровская», «Машка Ульянова»...

Для Голдмана это было новостью.

– А знаешь, почему у «Садовской» такой быстрый ход?

– Два двигателя...

– Вот-вот, второй пропеллер в жопу вставили!

Хлименко заржал.

– А за что буфетчицу пришили? – сменил тему Голдман.

– Кто ее знает? – откликнулся Ивин.

– Как же, ты затылок ее видел? Тут граненым стаканом не обойтись... – авторитетно заметил Хлименко. – Не дала кому-то!

– Ерунда, – возразил Матушкин, – сейчас этого добра навалом. Вот начнутся рыбацкие рейсы, когда рыбаков будем с плавбаз возить, тогда бабы в цене будут.

– Ладно, мне пора в музыкальный салон дискотеку вести. – Ковалев встал. – Кто пойдет на верботу глядеть?

Вызвались все, кроме матроса Хлименко. Больше женщин он любил водку, а она похоже у него еще оставалась.

Музыкальный салон до отказа был набит верботой. Когда Голдман переступил порог, то почувствовал, как сотня пар алчных женских глаз придирчиво стали изучать его с ног до головы. Голдман хотя и был не робкого десятка, но порядком смутился от такой откровенности. Витя Матушкин и Петя Ивин были привыкшими к такой встрече, поэтому спокойно встали в углу возле стойки неработающего, по случаю сухого закона бара, где уже расположились несколько членов экипажа.

Вообще, на пассажирских судах контакты с пассажирами не поощрялись, а интимные связи негласно даже карались, причем не только между членами экипажа и пассажирами, но и между двумя членами экипажа. В период рейсов с верботой допускалось небольшое послабление. Но не ради экипажа. Просто с девушками надо было кому-то танцевать в музсалоне, а из пассажиров в такие рейсы не было ни одного мужчины.

Ковалев взял микрофон и объявил:

– Сегодняшний музыкальный вечер открывает Юрий Антонов.

– Антонов... Антонов... – прошелестело по залу.

Голдман с удивлением отметил, что реакция такая была отнюдь не на песню. За певца Антонова приняли администратора Ковалева. Понял это и Олег. Он действительно походил на автора песни «Море, море», но не настолько. Скорее всего сработало обостренное восприятие самих пассажиров.

Голдман посмотрел на часы – половина восьмого. Время осталось лишь поужинать и пора было заступать на свою первую вахту.

В машинном отделении четвертый механик, молодой улыбчивый парень, неофициально вводил Голдмана в курс дела.

– Существует три вахты. Со вторым механиком вахта с двенадцати до четырех. Она считается «собачьей».

– Почему? – спросил Голдман.

– Потому что ты до полуночи с девушкой погулял и пошел на вахту, а твою подругу в шконку потащит кто-нибудь другой. Вахта с третьим механиком с четырех до восьми – «коро-

левская». До четырех утра с подружкой насладился, сон разогнал и на вахту, днем поспал, с четырех до восьми опять отдежурил и в восемь вечера к разврату готов, выспавшийся и отработавший. А наша с тобой вахта – «пионерская». В восемь утра ты заступил, тебе с ночи грязь и неисправности оставили, а в начале девятого по машине начальство любит бродить. Все шишки, естественно, на нас с тобой... Во время вахты, помимо того, что надо следить за механизмами, за температурой топлива, воды и прочей фигней, каждая вахта еще занимается своими механизмами. Скажем второй механик отвечает за главные двигатели. В их вахту работы меньше всего. Весь ремонт главных двигателей проводится на стоянке, не выключишь же в открытом море машину. Вахта третьего механика отвечает за топливную систему и «динамки», которые электричество дают. Они в основном соляру гоняют из танка в танк, чтобы уравнивать судно. А наша с тобой вахта отвечает за паровой котел и отработанную воду.

– Как системный механик, что ли? – спросил Голдман.

– Нет. Наша отработанная вода остается от механизмов, а не от туалетов. Наша с тобой задача отовсюду ее откачать, а затем либо очистить сепаратором, либо скачать вместе с грязью и мазутом за борт. Обычно так и делается, потому что воды столько натекает, что сепаратор не справляется.

– Так что, будем помой за борт качать?

– Сначала сходи на корму и посмотри, нет ли там чего подозрительного. Если все в порядке – все говно за борт, его порядком за стоянку накопилось. В открытом море нас никто за руку не поймает.

Голдман поднялся на корму. На море была легкая зыбь. Быстро темнело. Вдруг по левому борту он увидел иностранный военный катер. Леву похоже тоже увидели. Пушка на катере развернулась в направлении советского судна. Голдман повернулся и быстро направился в машинное отделение.

– Ну, что там? – спросил четвертый механик.

– Иностранные военные катера нас патрулируют.

От неожиданности Голдман выразился во множественном числе. Но четвертого механика милитаризм капиталистов, похоже, совсем не удивил. Он расстроено почесал в затылке и принял решение:

– Ладно придется запускать сепаратор. Пойдем покажу, как это делается.

На мостике в разгаре были крутые разборки.

Первым вражеские катера, а их действительно оказалось несколько штук, увидел Сашка Истомин, о чем не замедлил сообщить несущему тут же вахту четвертому помощнику капитана. Четвертый работал недавно и ни разу с такой ситуацией не сталкивался. Поэтому вместо того, чтобы действовать по инструкции и вызвать капитана, он запаниковал и позвонил радисту, чтобы тот отправил сигнал бедствия во Владивосток. Радиист оказался опытным, поэтому «SOS» посылать не стал, а позвонил непосредственно капитану. Мастер не замедлил подняться на мостик, а когда понял в чем дело, быстро вызвал туда же третьего помощника, ответственного за прокладку курса.

– Ты что же, сука, делаешь? Ты как курс прокладываешь, сонная твоя морда? – накинулся капитан на третьего помощника.

– Как обычно, – попытался сопротивляться третий помощник. Прокладка курса была его обязанностью.

– Почему это «как обычно»? Ты что? Циркуляры не читаешь? Как вот врежу сейчас по твоей сонной морде! – мастер замахнулся. – Пошел вон отсюда!

У капитана была звучная фамилия Ким, по национальности он был корейцем, но родился в Советском Союзе. Понятно, что с такой национальностью нелегко стать капитаном дальнего плавания. Ким добился этого целиком за счет своих выдающихся деловых способностей. Эки-

паж его любил. Если к примеру приходило штормовое предупреждение, Ким заходил в нейтральные воды и там переждал непогоду. Другой бы на его месте поставил корабль поближе к родному берегу, но у Кима был верный расчет: пока судно в нейтральных водах, всему экипажу капает валюта. Так что стоять можно хоть неделю. А иногда, когда пассажиров было очень мало, Ким вообще игнорировал штормовое предупреждение и шел напрямую не сворачивая. Пассажиры блевали, хотя ничего не ели, ресторан терпел убытки, команда зеленела от девятибальной качки, но любила капитана за его смелость еще больше.

Однако пренебрежение к циркулярам было серьезным проступком. А бумага была в этот раз очень примечательная. Японские и американские военно-морские силы проводили в нейтральных водах совместные учения, о чем и предупредили ближайшие порты, в соответствии с международными законами по мореплаванию. Третий помощник циркуляр не читал или просто забыл про него, поэтому проложил курс «Ольги Садовской» в аккурат через зону учений.

Капитан сменил курс и послал сообщение об инциденте во Владивосток. Как только японцы перехватили сообщение, преследование «Ольги Садовской» прекратилось.

Старшему электрику Вите Матушкину сегодня везло. Обычно сказывался комплекс: тридцатилетний возраст и лысый череп, поэтому его интимные связи с пассажирками складывались не часто. На этот раз ему удалось подцепить не какую-то там восемнадцатилетнюю сидушку, а уже сформировавшуюся женщину двадцати пяти лет. Петя Ивин клеил пассажирок на верхней палубе, молодой маслопуп Лева Голдман нес вахту в машинном отделении. Каюта была в полном Витином распоряжении.

– Ты пей кофеек, милая! – щедрость Матушкина этим вечером была безгранична. По такому случаю он даже достал из загашника коробку шоколадных конфет. Девушка монотонно пила кофе, а Матушкин правой рукой постигал тайны расстегивания новой модели лифчика. Понимая, что с этой задачей можно и не справиться, Витя завалил гостью на койку и стянул с нее джинсы.

– Зачем это? – удивилась та.

Похоже смысл происходящего до нее доходил не сразу.

– Так удобнее, – заверил пассажирку старший электрик, быстро стянув собственную футболку и джинсы.

Однако гостя бдительности не теряла и, когда Матушкин уже собирался, что называется, кончать, вдруг вспомнила, что не мешало бы предохраниться. Все-таки впереди пять месяцев житья вдаль от цивилизации, аборт делать будет негде в случае чего. В мозгу замигала красная лампочка – опасность!

– Витя! Высовывай давай! – потребовала она.

Но Матушкин ее опасений не разделял и, можно сказать, был невменяем. Тогда девица столкнула его с себя и, подхвативши свою одежду, выскочила из каюты электриков, на ходу одеваясь.

Витек не ожидал такого подвоха. Кое-как он натянул джинсы и выбежал следом. В коридоре никого не было. Лишь на «пяти углах» курила задумчивая Бардакова. Делать было нечего. В расстегнутых джинсах Матушкин подскочил к ней.

– Наташа! Дай я тебе вдую! – с дрожью в голосе попросил он.

Бардакова удивилась, задумалась, а затем переспросила невпопад:

– Куда?

В каюте капитана происходил серьезный разговор. Кроме хозяина каюты там присутствовал лишь первый помощник капитана по политической части Геннадий Андреевич Топотилов. Помполит был пятидесятилетним мужчиной с номенклатурной осанкой и пристальным с хитринкой взглядом, как у вождя мировой революции.

– Дело серьезное, Геннадий Андреевич, нам надо разобраться с этим нелепым убийством, иначе разберутся без нас, а тогда не поздоровится не только мне, – капитан Ким был решителен, как всегда.

– Не поздоровится всем, – согласился помполит.

– Вот и давайте с вами проанализируем, кто это мог сделать.

– Может, это кто-то из гостей?

– Гостей практически не было в это время на судне, – возразил капитан. – А те, что были, давно перепроверены на десять раз и без нас.

– Тогда давайте посмотрим среди наших...

– Я это вам и предлагаю. Кто, как не вы должны прекрасно знать личный состав корабля.

– Есть тут одна маленькая сложность – буфетчица проработала на «Ольге Садовской» всего неделю...

– Так, Геннадий Андреевич, это даже проще. Если она не успела завести здесь знакомств, то круг подозреваемых заметно сужается.

– Вы все-таки думаете, что это сделал свой?

– А кто же еще? Расскажите мне о тех членах экипажа, которые сравнительно недавно у нас работают. Всех «старичков» я, вроде бы, знаю.

Топотилов начал перечислять:

– Что касается палубной команды, то тут непревзойденный ловелас, конечно же, Истомин. Но парень он безобидный и руку никогда не поднимет на женщину. Два матроса живут с буфетчицами, им вроде ни к чему вообще кого-то еще цеплять. Остальные тайные алкоголики. Им не до женского пола.

– Алкоголизм не освобождает от ответственности.

– Понятно, но матросов с явными уголовными наклонностями у нас нет. Да и быть не может.

– А машинная команда что из себя представляет? – озабоченно спросил капитан.

– Моторист Гришкин с прачкой живет, причем она его железно держит под каблуком. Он пернуть не посмеет без ее на то разрешения. Миронов, тоже моторист, любит свою жену и грустит о ней.

– Почему это?

– Она во фрахт ушла на теплоходе «Александр Пушкин» на восемь месяцев. А он с визой здесь сидит. Вы же знаете, что родственники не имеют права на одном судне работать. Могут убежать на Запад.

– Может он?

– Черт его знает, может... Хотя я чувствую, что не его метод. Да и спит он после вахты в это время. – Топотилов развел руками.

– Ради такого дела можно и проснуться. Кто там еще?

– Токарь Петухов. Станный какой-то тип, но вкальвает на работе, визу ждет не дождется. Электрик Матушкин давно на флоте, замечаний к нему нет. Ивин всего неделю работает. А Голдман и вовсе пришел на судно, когда все уже произошло.

– Дальше, – капитан выглядел все озабоченнее.

– Кто-нибудь из комсостава вряд ли бы на такое пошел, почти все партийные, – помполит на всякий случай защищал свою вотчину. – В ресторане есть пара педерастов...

– Почему бы их не списать на берег? Пока еще за это ответственность уголовная существует.

– Директор ресторана своих в обиду не даст.

– Да и ладно, пусть натягивают друг дружку... – капитан махнул рукой.

– Есть еще пассажирский помощник Белов и администратор Ковалев, но на них молодые девки сами вешаются. Причем, если Ковалева иногда и удастся соблазнить, то Белов – сексуально неподкупен. Любит свою семью, да приворовывает помаленьку...

– Как приворовывает? – капитан изобразил непонимание.

– Безбилетников сажает на борт, в среднем кусок в неделю имеет.

– Ладно, пусть этим отдел кадров занимается. Им виднее. – Ким вернулся к теме, – Значит нет подозреваемых?

– Выходит, что нет.

– Чувствую, по приходу во Владивосток нас будут ждать неприятности.

Если кому-то и не везло в день прибытия в порт приписки, так это пассажирскому администратору Олегу Ковалеву. Началось все еще рано утром, когда с грудным ребенком одной из пассажирок, взятой в Корсакове, случился эпилептический припадок. Из рта младенца полезла желчь, а мамочка, вместо того, чтобы оказать своему чаду помощь, пошла вызывать администратора. Олег вызвал судового врача, на редкость бестолковую и неграмотную бабу. В итоге все трое стояли и наблюдали, как ребенок захлебывается собственной блевотиной.

Сразу было ясно, что от медички толку не будет. Олег сомневался, что она знает каким концом и куда вставляется градусник. Но мать то с такими припадками своего младенца наверняка сталкивалась часто. Что же она стояла и смотрела? Олег решил, что пассажирка намучалась и решила избавиться от своего ребенка.

Когда младенец посинел и затих, мамаша предложила завернуть его в простынь и выбросить за борт по морскому обычаю. Происшествий за неделю на судне и так хватало, поэтому Олег запретил кидать в воду «что бы то ни было», забрал сверток с ребенком и отнес его в ресторанный холодильник. Трупик, по приходу во Владивосток, надо было сдать на экспертизу. И этим поганым делом опять же пришлось заниматься администратору.

После всех дел Ковалев зашел домой повидать родителей, а к вечеру вернулся на «Ольгу Садовскую». Хотелось выпить. Впрочем, на стоянке это было обычное состояние почти всех членов экипажа.

Засели в каюте бортпроводницы Наташи Чичериной. Компания подобралась следующая: администратор Ковалев, моторист Голдман, который к тому времени довольно сильно сдружился с Олегом, сама Наташка, да вновь прибывшая на судно официантка Ольга Лохманович. Положила начало пьянке Лохманович, так как принесла с собой две бутылки водки.

После второй рюмки Голдман решил завязать разговор. Он свято верил, что если перед третьей дозой сделать небольшой перерывчик, то похмелье не будет сильным.

– Откуда к нам залетела, птичка? – спросил он Ольгу.

– О-о-о, я на новом пароходе польской постройки была, на «Константине Черненко».

– И чего списалась-то с него?

– Визы нет, – Лохманович отхлебнула минералки. – «Черненко», я вам скажу, не то что «Садовская». Два бассейна, четыре бара, кают вообще немерено, а у каждой номернушки своя кладовка с кушеткой. Устала – можно прилечь. Жалко, что у официанток таких кладовок нет.

– Тебе доверь, – вклинилась в разговор Чичерина. – Всех мужиков туда бы перетаскала.

– Это я люблю.

– Можно подумать, Чина, ты сама мужиков в каюты не таскаешь, – обратился Олег к Чичериной.

Чина – Наташина кличка. Ковалев и Голдман придумали ее совместно. Произошла она от инициалов бортпроводницы, причем для красоты звучания в середине появилась буква «и». Такую литературную работу Ковалев и Голдман совершали не впервые, буквально перед этим свое погоняло получил слесарь. Его приятели прозвали Бойлером, главным образом за тягу к ремонту канализационных систем. Бойлер был подручным системного механика Володи.

Чина улыбнулась:

– Я, конечно, сплю с мужиками, но, во-первых, не со всякими, вот с вами можно было бы, а во-вторых...

– А мне по фиг, лишь бы стоял! – подключилась Ольга.

– ...А во-вторых, я делаю это красиво и загадочно.

– Загадка ты моя! – Голдман положил руку на колено Чине.

Чина сбросила руку.

– При начальстве нельзя, – и выразительно посмотрела на пассажирского администратора. – Вот ходили мы в марте месяце в Новую Зеландию, рыбаков с плавбазы забирали. Мне один понравился. Я знаешь что сделала? Взяла пакет новозеландского сухого вина, в морозильник его, потом в термос и с этим термосом на палубу загорать. А он уже там лежит, только яйца сквозь плавки светятся. Легла рядом. Пить не хочешь, касатик, говорю ему, морсика глоточек другой. Он пьет и понимает, что это вино, причем охлажденное. А на всем пароходе спиртного не капли, сухой закон. Оценил сразу. Вот это мой подход.

– Конечно, ты опытная морячка, вся жопа в ракушках, – пошутил Голдман.

– Опыт приходит с половыми связями, – глубокомысленно заметила Чина.

– Тогда я знаю, кто у нас на пароходе самый опытный! – объявил Голдман.

– Кто? – заинтересовались девушки.

– Моторист Гришкин.

– Этот шупленький? – Чина сделала недоверчивое лицо.

– Я как спать лягу, – для доходчивости Голдман прикрыл один глаз, так в переборку стук непрерывный. Думал, меня на помощь зовут. Потом выяснилось, что у него болты, которыми шконка крепится, расслабились. Говорю ему, прикрути свой сексодром, грохот спать мешает. А он либо обленился, либо обессилел совсем – никакой реакции.

Голдман достал третью бутылку, уже неделю ждавшую своего часа.

– Куда пустую тару девать? – спросил он.

– Смайнай за борт. Вон иллюминатор, – посоветовал Олег.

Все уже были изрядно навеселе.

– А знаете, как происходит половая жизнь на небольших краболовецких судах? – Ковалев решил завладеть вниманием аудитории.

– Нет. – Голдман заинтересовался. – Я только слышал, что они теток в рейс не берут, чтобы не передрататься из-за одной единственной поварихи.

– Они ставят на палубе большую железную бочку, заполняют клешнями и лапами крабов, паром все это обдают, и через несколько секунд мясо готово. Потом во время работы, а работают они по двенадцать-четырнадцать часов, периодически оттуда берут куски и едят. Мясо очень сытное, а главное «шишка» от него буквально «дымит». После работы прямо в робе, покрытой рыбной чешуей, заваливаются на шконки и все ночь ловят кайф.

– Это у них называется «мультики смотреть», – подсказала Чина.

– Я слышала, как они на стоянках в порту теток снимают. – Лохманович перехватила эстафету. – Делается это очень просто! Идет тетка по причалу, рыбаки компанией к ней пристают и уговаривают. Между делом суют ей деньги в карманы, очень много денег, даже по их заработкам. Когда та совсем охренеет от подвалившего богатства, ведут ее на судно и хором трахают. Потом забирают деньги обратно, оставляют лишь по таксе портовой шлюхи.

– Может на палубу поднимемся, свежим воздухом подышим? – предложила Чина.

– На самую верхнюю, навигационную, – поддержала Лохманович.

На «пяти углах» стоял матрос Хлименко с окровавленным лбом.

– Что случилось, Игорек? – участливо спросил Ковалев.

– Да вот, стакан плохо отцентрировал, – пожаловался Хлименко, вытирая кровь платком.

На палубе долго не задержались. Лохманович зачем-то полезла на пароходную трубу и по локти вывозила руки в саже. Когда возвращались, на корме встретили третьего механика. Судно заправлялось с берега топливом, и он держал этот процесс под контролем.

– Желаньем не горишь, морячок? – Лохманович схватила грязной пятерней третьего механика за джинсы, отчего у того в районе ширинки остался жирный выразительный отпечаток.

Вечеринка заканчивалась.

Глава О

Обдумав происшедшее накануне, третий механик решил очередное домогательство встретить во всеоружии. Для этого надо было «вкатить шары». Для начала он начал подыскивать подходящую пуговицу. От наволочки пуговица оказалась слишком большой.

«Не по мне», – решил морячок и продолжил поиски.

Наконец, подходящая пуговица нашлась на рубашке. Теперь оставалось отшлифовать ее и сделать пропил. Когда работа подошла к концу, он расстегнул ширинку, вывалил член и попытался ее вставить. Ничего не получалось, мешалась крайняя плоть, уздечка постоянно выскальзывалась из рук, пару раз закатывалась под стол пуговица.

Механик был полностью поглощен процессом, когда в каюту без стука заглянула киоскерша. Такую живописную картину она видела в своей жизни впервые, поэтому встала как вкопанная, заинтересовавшись происходящим. Минуту спустя, когда третий механик поднял на нее глаза и удивился присутствию постороннего, она, чтобы сгладить неловкость, сказала:

– В киоск завезли дешевый одеколон.

– Я не пью, – отказался механик.

Испытать новое приспособление он не успел, большую часть комсостава, в том числе его, временно заменили.

Машинная и палубная команды ходили недовольные. Почти всю руководящую верхушку парохода на один рейс списали на берег и прислали подменный экипаж. Старички были наслышаны всякого о некоторых вновь прибывших, но особо были недовольны капитаном. За ним закрепилась кличка «Трус», так как при малейшем волнении моря он начинал паниковать и искал бухту, в которой можно было бы спрятаться. Заменили и четвертого механика. Прислали молодого и вредного. Голдман убедился в этом на своей собственной шкуре в первую же вахту.

Если следовать инструкции, то во время несения вахты в машинном отделении, моторист должен был находиться непосредственно в машине, а механик в ЦПУ – помещении, куда выведены приборы, показывающие текущие параметры работы систем. Допускалось также, чтобы механик и моторист периодически меняли друг друга. Мотористу разрешалось подниматься в ЦПУ, чтобы покурить, попить водички, передохнуть от шума. Конечно, при условии, что он уверен в исправной работе всех механизмов. Если нет, то на это время в машинное отделение спускался механик. Впрочем, механик в любом случае должен был время от времени спускаться вниз и лично проверять технику.

Подменный четвертый механик спускаться в машину не собирался вовсе. Однако, когда пошел второй час вахты, Голдман захотел курить и зашел для этого в ЦПУ. В машине курить запрещалось, механик был вынужден его заменить.

Пока Голдман курил, четвертый механик бродил по машинному отделению и кипел от злости. Их подменный экипаж обещали отправить в Канаду за зерном, со всеми вытекающими последствиями – нейтральные воды, чистка трюмов. За то и другое платили валютой. И вот из-за дурацкого убийства на «Садовской» списывают на рейс весь комсостав для допросов, а их как затычку кидают на замену.

На пассажирском судне четвертый механик был впервые. Оборудование «пассажира» в корне отличалось от оборудования на других судах. На сухогрузе один главный двигатель размером с четырехэтажный дом, а здесь их два, причем высотой всего метров пять. Все ему здесь было незнакомо.

«Умного из себя строит», – с ненавистью подумал про Голдмана механик. – «Ну ничего, я ему сегодня устрою веселенькую вахту!»

Механик злобно крутанул первый попавшийся под руку клапан и проследовал в ЦПУ.

– Кончай курить, п... дуй в машину! – рявкнул он на Голдмана.

Если бы Голдман знал, какую диверсию совершил четвертый механик, его прошиб бы пот. По незнанию, тот сбил уровень подачи пара на подогрев забортной воды, идущей на охлаждение главного двигателя. Такой поступок был чреват очень плохими последствиями. Механик не знал, что клапаны пара регулируются с ювелирной точностью. Сдвинь регулятор на пару миллиметров, и температура забортной воды сразу поползет вверх. В итоге главный двигатель выйдет из нормального режима, а это грозит его полной остановкой и, возможно, выходом из строя. Механик же крутанул клапан на целый оборот.

Голдман как-то слышал про пароход, на котором запороли главный двигатель. Пароход в итоге пошел на переплавку. Двигатель находится в центре судна. Чтобы его заменить, нужно распилить пароход пополам, а это практически невозможно. Если полностью испорчен главный двигатель, то испорчен весь пароход в целом.

Через несколько минут, когда паровая труба раскалилась, механик с помощью сирены вызвал Голдмана в ЦПУ.

– Температура забортной воды на правом двигателе поднимается. Иди отрегулируй.

Голдман подошел к клапану. Стрелка термометра резко ползла вверх.

«Чего это пар взбесился?» – подумал Голдман и чуть-чуть убавил напор. Но температура продолжала расти. Мотористу и в голову не могло прийти, что кто-то повернул клапан на целый оборот. Он убавил еще чуть-чуть. Результат тот же. Голдман испугался и побежал к четвертому механику:

– Не могу выставить нужный уровень. Иди помоги мне.

Механик был напуган последствиями своей выходки не меньше моториста. Но механик совсем не знал машины и был бесполезен внизу. Чтобы скрыть испуг и бессилие, он с матом набросился на Голдмана:

– Иди на х... отсюда! Не умеешь работать, вообще вали из машины!

Разозленный и обруганный Голдман побежал к клапану. Но регулировка не давалась, труба уже была накалена и подпитывала температурой сама себя. Включилась аварийная сигнализация двигателя. Голдман знал, чем это грозит: такая же сигнализация раздавалась в эту секунду в каютах деда и второго механика.

Когда начальники вбежали в ЦПУ, четвертый механик ткнул в Голдмана пальцем:

– Это он виноват, саботажник!

Первым делом дед и второй механик решили выключить сигнализацию, так как рев стоял оглушительный. Но сделать они это не смогли. По той простой причине, что не знали как.

Есть святое правило: механики, включая деда, должны хоть на пузе облазить машинное отделение, но знать все механизмы до мельчайших подробностей. На «Садовскую» руководство пришло всего на одну неделю, поэтому разбираться в механизмах никто не стал, понадеявшись на то, что все пройдет нормально.

Голдман посмотрел на тщетные попытки руководства отрубить сигнализацию и решил сделать это сам. Выключалась она довольно просто, надо было нажать три определенные кнопки одновременно. Совместными усилиями температура воды была установлена. Вскоре системы главного двигателя вошли в привычный режим работы.

После рейса Голдмана ждал неприятный сюрприз. Его вызывали в отдел кадров пароходства.

«Значит накапали, суки, решили все на меня свалить», – с досадой подумал Голдман.

Это было очевидным. Никогда ни в какой докладной старший механик не напишет, что не владел элементарными знаниями управления машиной. Ни за что четвертый механик не сознается, что чуть не случившаяся авария была целиком на его совести. Вполне естественно, что козлом отпущения решили сделать самого маленького человечка в этой цепочке – моториста.

Наказание, которое приготовили Голдману за этот инцидент, можно было легко предвидеть – лишение визы сроком, как минимум, на один год, то есть запрет на все заграничные рейсы.

Чтобы понять, что это значило для моряка, нужно рассказать о всей системе вербовки в Дальневосточное морское пароходство.

Обман начинался с самого начала, с объявления в газете «Комсомольская правда». Несколько учебных заведений Владивостока и Находки, готовящие моряков для ДВМП, непрерывно расписывали достоинства работы моряка-дальневосточника. Объявления сулили среднюю заработную плату 450 рублей в месяц, а также щедрое ежемесячное валютное премию. Будущим морякам обещали великолепное проживание, прекрасное форменное обмундирование и отличное бесплатное питание. И главное: все принятые на учебу будут работать только на судах заграничного плавания, с заходами в порты шестидесяти стран мира.

Правдой здесь было то, что кормили на пароходе, действительно, регулярно. Моряки голодали, только когда их списывали на берег. Все остальное от начала до конца было полным враньем. Никакого форменного обмундирования ни электрики, ни мотористы не получали. Зарплата у них была в пределах ста-ста двадцати рублей, на ледоколах в условиях Дальнего Севера моторист получал восемьдесят рублей в месяц. Каюты на пароходах также оставляли желать лучшего.

Но самым гнусным враньем было то, что все моряки ходили только в заграничные рейсы. Ничего подобного в принципе не было. Визу, как право попасть на заграничный рейс, дожидались целый год. Причем весь этот год еще с учебы за будущими моряками велся неусыпный контроль. И за самую мельчайшую провинность получение визы откладывалось еще на целый год.

Почему же моряки не увольнялись и все это терпели? Ответ очевиден. Чтобы завербоваться на работу большинство будущих моряков многое ставили на карту. К примеру, Голдман, поехав во Владивосток, бросил институт, оставил любимую девушку, потратил большие деньги, чтобы через всю страну добраться до Дальнего Востока. Некоторые оставляли жен, детей, престарелых родителей – брать их с собой запрещалось. Теряли прописку, в конце концов. И после этого вернуться домой с пустыми руками? Впрочем, кое-кто так и делал. Но на их место находились сотни других простачков, приехавших со всего Советского Союза.

Самым мощным инструментом закабаления моряков в пароходстве была заграничная виза. Рядовой матрос, моторист, бортпроводник должен был терпеть скотские условия и мизерную зарплату, надеясь, что когда ему откроют визу, начнутся заграничные рейсы, тонкой струйкой потечет валюта, он окупит все лишения и унижения. Об этом прекрасно знало руководство пароходства и пользовалось этим. Сначала моряка проверял КГБ. Когда выяснялось, что «последственный» не привлекался, имеет лояльных коммунистической партии родственников, то визовые документы приходили в пароходство. Начальство ДВМП придиралось сильнее КГБ. О несчастном морячке выяснялось все: не грубил ли он начальству, не имел ли неосторожность влюбиться на рабочем месте, не носит ли он длинные волосы... Особенно тщательно молодого моряка проверяли в его день рождения. Не дай Бог, стукач учует от него малейший запах спиртного. Разве можно выпить в свой день рождения? А потом уже корабельские «боги» садились и решали: открыть визу морячку или еще на год оставить его в скотских условиях, куда сами же обманом его заманили.

Голдману поначалу повезло. Он приехал на учебу с еще армейской рекомендацией. И сразу его документы пошли на оформление визы. Однако вскоре произошел довольно глупый случай, который на год сделал все попытки вырваться в заграничное плавание бессмысленными.

В общежитии, где проживали курсанты мореходной школы, стены были выбелены известкой. Чтобы как-то разнообразить интерьер, будущие моряки решили повесить на стены плакаты. Девушек «вешать» запрещалось, поэтому в ближайшем книжном магазине покупались агитационные плакаты. Голдман «повесил» сурового мужика с грозно выпяченным пальцем. Подпись была – «Пьянству бой».

На этом же этаже жил ташкентский татарин Вадик Ашрапов. Он решил по-своему довести до ума плакат – сделал на нем надпись: «А ты разве не пьешь?», что наглядно подчеркнул небрежными рисунками.

Плакат сразу же вызвал интерес у штатного школьного чекиста-стукача. Когда Голдман сказал, что рисовал все это не он, чекист потребовал, чтобы сознался настоящий «художник», добавив, что тому за это «ничего не будет». Голдман подошел к Ашрапову и предложил сознаться в художествах. Ашрапов отказался. Стучать, даже на такое дерьмо, как Вадик Ашрапов, Голдман не хотел. В итоге этого мелкого инцидента ему на один год прикрыли визу.

«На этот раз проступок был более серьезным, за это визу могут придержать и на более долгий срок», – расстроился Голдман.

В отделе кадров Голдман сразу направился к своему инспектору Кошкину.

– Пиши объяснительную, – добродушно посоветовал тот.

– Понимаете, все было не совсем так, в произошедшем нет моей вины, – пытался объяснить Голдман.

– Я знаю, но мы же не будем устраивать разборки. Напиши, что в содеянном раскаиваешься и забудем об этом.

Голдман взял чистый лист бумаги и вышел в коридор. Он от кого-то слышал, что Кошкин заядлый нумизмат. Некоторые моряки-саракоты, то есть те, кто много лет отработали в паромстве, возили ему из рейсов редкие иностранные монеты. За это начальник отдела кадров устраивал им выгодные рейсы. Но Голдман не был саракотом и даже визы пока не имел. Да и взятку бы не смог дать. Что ж об этом думать?

Да, но если написать «явку с повинной», то визу еще на год прикроют стопудово! Что же делать?

Тут у Голдмана возникла совершенно нелепая идея.

«Может рискнуть?» – подумал он. – «Боязно... А что, собственно, я теряю? И так, и эдак плохо! Давай попробую, глядишь прикроют это дело».

Он сел за стол и начал писать объяснительную. Труд получился большим. Когда он закончил, то прошел в кабинет Кошкина, положил бумагу на стол и быстро вышел.

«Теперь на паром», – Голдман облегченно зашагал привычной дорогой.

Инспектор Кошкин взял объяснительную и решил уже подшить к личному делу Льва Голдмана, как что-то ему подсказало, что не мешало бы сначала познакомиться с написанным. Он начал читать:

«Объяснительная.

Во время последнего рейса на пути следования к острову Шикотан вышел из режима правый главный двигатель. Произошло это по вине четвертого механика. Когда я находился в ЦПУ, механик разрегулировал уровень подачи пара на двигатель. Это я видел по приборам центрального пульта управления.

Причину его действий вижу в неполном служебном соответствии четвертого механика. Есть и еще одна причина происшедшего, о которой мне сначала не хотелось говорить. На мой взгляд, она хотя бы частично объясняет его действия. С самого начала вахты, четвертый механик приставал ко мне с неприличным предложением вступить с ним в половую связь. Так как я противник интимной жизни на рабочем месте и свято чту уголовный кодекс, запрещающий интимную близость между мужчинами, то я категорически отказался. Чтобы отомстить мне, четвертый механик и совершил действия, чуть не поведшие за собой выход из строя главного двигателя.

Прошу не наказывать четвертого механика по всей строгости, так как он совершил свои действия в неуравновешенном состоянии.

Подпись – Лев Голдман».

Кошкин засмеялся.

– Вот ведь сволочь, знает, что нам такое развитие событий ни к чему.

Инспектор взял объяснительную, добавил к ней докладную и спрятал в дальний угол стола.

На корабле царило оживление. Подменный экипаж списывали на берег, на его место возвращались старые добрые старички «Ольги Садовской». Голдман зашел к себе в каюту и посмотрел на спикер.

«Устроить что ли им пышные проводы?» – подумал он.

Динамики, которые стояли на корабле, имели важное назначение. По ним передавались команды во все помещения корабля. Объявлять эти команды можно было только из администраторской и каюты капитана.

«Ничего, я исправлю этот пробел».

Заташив в каюту усилитель от киноустановки, Голдман подсоединил его выходные провода к линии громкой связи. Взяв микрофон и повернув ручку громкости до предела, он сухим официальным голосом произнес:

– Свободной от вахты палубной команде собраться на корме!

Приоткрыв дверь каюты, он наблюдал, как курившие на «пяти углах» матросы, побросав бычки, быстро направились в сторону кормы.

«Работает, стерва», – с удовлетворением подумал Лева. – «Теперь накажем врагов!»

Он вновь поднес микрофон к губам:

– Четвертому механику срочно спуститься в пятый трюм!

– Второму механику спуститься в румпельное отделение!

– Старшему механику зайти в каюту капитана!

Минуту спустя он внес заключительный штришок:

– Подменному экипажу немедленно покинуть судно!

Затем быстро отцепил все провода и спрятал усилитель в рундук. Сделал он это вовремя. Дверь открылась и на пороге появился старший электрик Витя Матушкин:

– Голдман, с тебя пол-литра!

– А че такое?

– Тебя переводят в электрики, идем готовиться к отшвартовке.

Это была самая радостная весть, которую Голдман услышал с самого начала работы на «Ольге Садовской». Он не верил своим ушам.

«Такой перевод говорит о том, что дело замяли. Должность электрика для меня, как ошейник для собаки. Теперь можно работать спокойно».

Когда судно стало удаляться от берега, Голдман вышел на корму. У парапета стоял матрос Хлименко.

– Чем занимаешься, укротитель стаканов? – спросил Голдман.

– Да вот, стою и думаю, если сейчас с кормы выпустить чайку, то долетит ли она до берега? Ты как думаешь?

– Не знаю, – замялся Голдман.

– Долетит, – уверенно сказал Хлименко, – если, конечно, ей в жопу пропеллер вставить.

Игорек засмеялся густым идиотским басом.

«Все-таки со своими ребятами лучше, чем со всем этим подменным мудачьем», – решил Голдман. Он уже давно чувствовал здесь себя среди своих.

Глава Р

Резной массивный стол был пуст. Лишь в кресле восседал ничем не примечательный мужчина в сером костюме. Из-за плотно закрытых окон не доносилось ни звука. Здание КГБ надежно изолировало себя от внешнего мира.

– Что-то не особенно упорны вы в зарабатывании нашего доверия. Вам что, уже не нужна загранвиза? – серый костюм обратился к вжавшемуся в стул напротив моряку.

– Я сообщаю все, что слышу...

– Этого мало! Вы должны знать, чем дышит каждый член экипажа «Ольги Садовской», – перебил моряка кагэбэшник.

– Стараюсь ведь, – собеседник оправдывался.

– Теперь вот это убийство бортпроводницы. Вы давно должны были выяснить, кто причастен к этому преступлению. Не сама себя же она?

– Это может быть не рядовой член экипажа, а кто-нибудь из командного состава.

– Весь командный состав на неделю был списан на берег. Мы беседовали с каждым, наблюдали за ними. И никого не подозреваем. Посторонний тоже не мог пройти на судно. Убийцу надо искать среди рядовых членов экипажа.

– Их человек шестьдесят. Я не могу уследить за всеми.

– Надо постараться, – голос чекиста был суров. – Не забывайте, что зимой «Ольга Садовская» идет в туристский рейс на Японию. Вы хотите остаться к тому времени на корабле?

Моряк дипломатично промолчал.

– Раз так, работайте как следует! Мы вам оказываем большое доверие, так будьте его достойны. На следующей стоянке мы вновь вас ждем у себя. Надеюсь, что появитесь вы не с пустыми руками. Все, можете идти.

Когда дверь закрылась, серый костюм снял телефонную трубку и набрал номер.

– Он ничего не знает. Я его малость припугнул, так что будет работать, – чекист помолчал, прислушиваясь к голосу на другом конце. – Хорошо, постараемся.

Через сутки после отплытия старший помощник распекал рулевого матроса Хлименко:

– Не стыдно? Мало того, что уснул на вахте, еще бинокль разбил. Чем он тебе не приглянулся?

– Я нечаянно...

Хлименко просто не повезло. Во время стоянки к нему в гости на пароход приходил старший брат. Само собой, водку пили весь вечер, всю ночь и следующий день. Когда судно вышло из порта и подошла ночная вахта Игоря, он валился с ног от усталости. Бессонная ночь и обилие выпитого давали о себе знать. Пока второй помощник капитана отсутствовал на мостике, Хлименко решил воспользоваться случаем и немного вздремнуть по ходу вахты. Но чтобы никто его не заподозрил в предосудительных действиях, Игорь решил ко сну на рабочем месте подойти творчески. Бинокль подошел для задуманного как нельзя кстати.

Для начала надо было выбрать удобную позицию. Хлименко для устойчивости расставил ноги, прислонил бинокль к лобовому стеклу, обхватив его окуляры пальцами, потом приник к биноклю. С виду все выглядело пристойно, только с одной поправкой – глаза, скрытые окулярами, были закрыты. Когда Морфей забрал в свои сети Игоря, хватка его рук ослабилась. Бинокль упал на палубу и разбился, а Хлименко и ухом не повел, продолжая спать.

Картина выглядела живописно. Здоровый матрос стоял, широко расставив ноги, между которыми валялись останки бинокля. Глаза моряка были закрыты, и было ясно, что он спал. Однако пальцы сохранили форму окуляров и по-прежнему находились возле глаз. В таком положении его и застал старпом.

– Что же мне с тобой делать? – старший помощник капитана был задумчив.

С одной стороны надо было отправить «телегу» в отдел кадров, а тогда Хлименко точно прикроют визу. С другой стороны, этот матрос работал на «Ольге Садовской» уже пять лет и не хотелось ему портить послужной список. Старпом решил отложить решение до прихода во Владивосток.

– Я больше не буду, – повiniлся Хлименко.

Голдману определенно везло в этом рейсе. Работа электрика гораздо чище, чем работа моториста. Кроме того, рабочий день продолжался с восьми утра и до пяти вечера. Правда, бывала небольшая работа в вечернее и ночное время, скажем, в какой-нибудь пассажирской каюте гас свет или надо было подвести освещение в темное место, где работали матросы. Но такие вызовы были нечастыми и кратковременными. Сделал дело, да и отдыхай дальше.

Сменилось и расписание движения «Ольги Садовской». Теперь она выполняла пассажирские рейсы по Сахалину и Курилам – Корсаков, Южно-Курильск, Курильск. Весь рейс занимал примерно неделю.

Этот рейс должен был длиться десять дней. Пароход заходил еще и в Северо-Курильск.

На следующий день после отплытия Петя Ивин и Лева Голдман меняли светильники на верхней палубе. Старые спиливали, прикручивали и подсоединяли новые. Не то чтобы работа была легкой, но, по крайней мере, на свежем воздухе и рядом с пассажирами.

Среди обычных пассажиров выделялись студентки из Новосибирска. Они плыли в Южно-Курильск на два месяца. Стройотряд. Весь день они бродили по палубам в своих курточках, увешанных всевозможными значками. Петю и Леву это вдохновляло. При должном подходе вечер мог сложиться весьма интересно.

Незадолго до обеда, когда Петя и Лева заканчивали установку третьего нового светильника, напротив них остановились две студентки.

– Ой, дельфины! – одна из них указала рукой в море, где мелькали мокрые серые спины.

– Это касатка, – поправил ее Голдман. По его мнению, кстати вклиниться в разговор – самый удачный способ знакомства. Девчонки повернули головы к двум электрикам.

– А какая разница? – спросила все та же.

Она была худенькая, невысокого роста, темноволосая, с наивным улыбчивым лицом. Проще говоря, относилась к категории интеллигентных маминых дочек. Голдман подумал, что такие до окончания института играют в куклы. Если не выйдут раньше замуж. Но, как правило, не выходят. Это происходит уже в аспирантуре.

– Понимаете, – Голдман изобразил из себя бывшего моряка, иногда это подкупало, – дельфины бывают разных пород. Касатка – хищник.

– Он что, может и руку откусить, если ему протянуть? – вторая студентка незлобиво иронизировала.

– Нет, они рыбой питаются, человечинной брезгуют, – несколько кровожадно подыграл ей Голдман.

– А чего они наш пароход преследуют? Их что? Подкармливают? – вновь поинтересовалась первая.

– Зачем подкармливать? Это инстинкт. Они держатся в тени более крупного хищника, в данном случае нашего парохода, – пояснил Голдман и несколько неожиданно перевел разговор в другое русло. – У людей так же: за более сильной личностью всегда идут последователи. А вот почему бы вам не побыть остаток рейса в надежной тени, которую оставляют два старых морских волка?

В разговор вклинился Ивин:

– И вообще на пароходе так не принято! – в его голосе звучала обида.

– Что не принято? – не поняли подруги.

– У нас сначала знакомятся, а уже потом заводят беседу.

– А не мы начали...

– Это вопрос спорный, – начал было Петя, но Лева его перебил.

– Не проще ли нам познакомиться, а не спорить? Это старый морской волк Петя, я его знаю. – Голдман уважительно кивнул на напарника. – А меня зовут Левой.

Девчонки представились. Худенькая студентка, которая сразу понравилась Голдману, оказалась Таней, а ее подруга – Светой. Знакомство началось удачно. Теперь эту удачу следовало закрепить. Для этого у Левы существовал надежный, проверенный опытом перевозки верботы, вариант.

– Девчонки! А у меня фотоаппарат есть. Не желаете увековечить себя на таком шикарном пассажирском лайнере как «Ольга Садовская»? Да еще в компании бывалых моряков. Есть тут пара кандидатур...

По интонации Голдмана было ясно, что он имеет ввиду себя и Ивина.

– С удовольствием, – ответила Татьяна, – Правда, у нас сейчас обед будет.

– У нас тоже. Тогда встретимся на верхней палубе после обеда?

– Заметано!

Петя Ивин мчался в столовую команды, как педераст на медосмотр к проктологу. Возле «пяти углов» он плечом зацепил матроса Хлименко, отчего тот, даже будучи от природы здоровым кабаном, отлетел к переборке.

– Чего это он? – Игорь Хлименко вопросительно уставился на подошедшего Голдмана.

– Жрать сильно хочет. Впервые в жизни как следует поработал.

Это было неправдой. Ивин от работы никогда не увиливал, делал ее качественно, правда, иногда немножко медленно. Но в этих случаях были смягчающие обстоятельства – солнышко, девушки, мечтательное состояние души.

Хлименко слегка разозлился:

– Это не дает ему повода поступать по принципу курятника: наеби ближнего, насри на нижнего.

У Игорька была дурная привычка. Когда какие-то события вокруг него поднадоедали, доставали или просто заслуживали внимания, то он на этот случай обязательно находил какую-нибудь, доселе неизвестную окружающим пословицу. Иногда это веселило, а порой и раздражало. На этот раз Голдман не почувствовал ничего кроме раздражения.

– Чего ты кипятишься, ну зацепили тебя нечаянно. Теперь ворчать весь день будешь?

Хлименко успокоился и попросил у Голдмана сигарету. Протягивая курево, Лева поинтересовался:

– Зарплату-то куда дел, лишенец? Ведь только на стоянке получили.

– Выпил... – пожаловался с несчастным видом матрос.

Ответив невпопад, Хлименко и сам не понял, какой глубокий смысл вложил в одно единственное слово. Голдман махнул рукой и направился в столовую команды.

Петя уже прикончил солянку и, нетерпеливо суча ногами, дожидался когда дневальная принесет ему второе.

– Куда так торопишься? – спросил Голдман. – Телки не спеша пообедают, подмоют дырки, похвастанутся всем своим подружкам знакомством с нами...

– Так мне тоже надо того...

– Подмыться что ли?

– Почему сразу «подмыться»? Душ принять!

– Успеешь! Все равно раньше трех они на палубе не появятся.

Дневальная принесла Ивину второе блюдо. Он торопливо поковырялся в котлете, одним махом выпил компот и выскочил из столовой.

Лева не стал поступать так опрометчиво. Он съел первое и второе, не спеша выпил компот, зашел покурить на «пять углов» и лишь потом заглянул в каюту.

Посреди каюты стоял голый и влажный Петя, лишь на бедрах было повязано полотенце, и опрыскивал себя дезодорантом. В каюте еще находился старший электрик Витя Матушкин. Судя по всему, Петин дезодорант не внушал ему доверия.

– Ты бы себя еще дерьмом вымазал! – проворчал Матушкин.

– А что? Хороший дезодорант, прибалтийский. И стоит дорого, – оправдывался Ивин.

– Правильно. А ты знаешь, что они им мусорные ведра спрыскивают, чтобы отходы не воняли?

– Неправда, это для тела...

– Почему неправда? – развивал свою мысль Матушкин. – Они просто на баллончике не пишут об этом. А так все правильно.

Подумав, Матушкин добавил:

– Конечно, если ты себя считаешь дерьмом, то можешь облиться хоть с головы до ног.

А так, баловство все это...

Голдман решил загасить конфликт, одновременно решив один насущный вопрос:

– Виктор, ты что сегодня вечером делаешь?

– Не знаю, наверное, к маслопупам пойду пульку в преф распишу. А что?

– Да мы тут с Петей девчонок решили часика на два пригласить.

– Только на моей шконке не трахать, – проворчал Матушкин. – А то забрызгаете все.

Поколение молодое, незнакомое.

– Конечно, конечно...

Когда электрики поднялись на верхнюю палубу, студентки были уже там, что в общем-то вполне естественно.

– Сейчас, девчонки, только сделаем один хитрый трюк, – сказал Петя и быстро снял плафон с одного из светильников.

Работать он, конечно, в ближайшие полтора часа не собирался, но надо было создать на рабочем месте такой вид, который бы показывал, что работа кипит, только вот на минутку отлучились работнички. Вскрытый светильник с выкрученной лампой производил именно такое впечатление. Теперь, если старший электромеханик случайно будет проходить мимо, то отметит для себя, что ребята честно выполняют свою работу.

– Хочу в шлюпку! – заявила Света, и вся четверка поднялась палубой выше.

Спасательные шлюпки, как это обычно и бывает на пассажирских судах, висели на лебедочных тросах, зафиксированные упорами. При крушении судна в одну шлюпку входило двадцать человек. Всего на пароходе было шесть шлюпок с веслами и два спасательных катера с подвесными моторами. Катера, конечно же, использовались для спасения командирского состава судна. Кроме того на судне еще было несколько спасательных плотов. На один из них вопросительно и указала Светлана.

– Это спасательный плот! – пояснил Петя.

Плот напоминал по форме лекарственную капсулу, только был размером с бочку. Если потянуть рычаг и сбросить тем самым плот в воду, то он тут же самостоятельно раскрывался, надувался и был похож на большую оранжевую палатку. Внутри плота уже находился паек – галеты, концентрат и вода в консервных банках – и несколько сигнальных ракет. Плоты были рассчитаны на тот случай, когда пароход тонет очень быстро и нет времени спустить на воду шлюпки. Однако в этом случае все терпящие бедствие в плот бы не вошли.

Расчехлив фотоаппарат, Голдман сделал несколько снимков. Потом передал камеру Ивину, а сам уселся в шлюпке вместе со студентками, обняв их, и изобразив на лице барское выражение. Ивин навел фотоаппарат и нажал на спуск.

– А когда фотографии будут? – поинтересовалась Татьяна.

– Могу, конечно, сделать уже сегодня вечером, но тогда весь сегодняшний вечер я буду занят в фотолаборатории. А завтра утром у вас высадка в Южно-Курильске. Так что лучше вы мне оставите адресок. А я вам пришлю фотографии. А еще лучше, на обратном пути через два месяца берите билет на «Ольгу Садовскую». Опять встретимся, заодно и фотографии вам отдам.

У Голдмана была приятная и в тоже время очень хлопотная общественная нагрузка – он заведовал фотолабораторией и где-то раз в месяц выпускал судовую фотогазету. Что парадоксально, для такого дела помполит не поленился и выбил со склада пароходства все, что Голдман просил для лаборатории. Буквально за две недели на судно привезли новый фотоувеличитель, профессиональные химикаты, которые в разведенном виде могли храниться целый месяц и большую коробку дефицитной тогда фотобумаги «Березка». С фотогазетой было много возни, зато для себя Голдман всегда мог напечатать любое количество фотографий.

Вчетвером поднялись на самый верх, на навигационную палубу. Рядом с мачтой крутилась вертушка радара.

– А это что? – поинтересовались девчонки.

– Это радар, – объяснил Голдман. – На мостике стоит монитор и сигнализирует, если впереди по курсу попадет какое-нибудь судно.

– Наверное, если бы во времена «Титаника» такое устройство существовало, то столкновения с айсбергом удалось бы избежать, – сказала Татьяна.

– Вряд ли, – засомневался Петя, – Айсберг состоит из льда, и радар его скорее всего бы не распознал. Пить надо было меньше матросам.

– Ну ладно, девчонки, – сказал Лева. – Встретимся сегодня вечером, мы приглашаем вас на кофе к себе в каюту. А сейчас, как это не прискорбно, нам надо поработать.

Старший электрик Витя Матушкин справедливо посчитал, что если его два молодых подчиненных приведут в каюту баб, то обязательно будут пить кофе. А если будут пить кофе, то им непременно понадобятся чистые чашки. Поэтому он, похлебав с кем-то в каюте бодрящий напиток, решил посуду за собой не мыть.

...Петя стоял возле умывальника, оттирал чашки и мысленно крыл матом старшего электрика. Мыть чашки ему было не в тягость. Просто он боялся, что вызовутся помочь две гостьи, которых сейчас усиленно развлекал Голдман. Дело в том, что для мытья посуды был приспособлен старый рваный носок Голдмана. В процессе использования он стал чистым, но сам вид носка мог студенток насторожить.

Когда чашки уже стояли на столе, в каюту заглянула Чина.

– Кофеек собрались погонять? – глумливо поинтересовалась она.

– А что еще делать, – пожаловался Голдман. – Водку сейчас даже во Владике сложно купить, а уж во время рейса и вовсе спиртное отыскать невозможно. У тебя случайно не завалялось термоса с сухим вином?

– Вина нет, но выход из сложившейся ситуации я вам помогу найти.

– Кто это? – поинтересовались Таня со Светой.

– Это наша самая крутая бортпроводница! – похвастался Голдман. – Она находит выход из любой самой безвыходной ситуации. Уверен, что сейчас она организует выпивку.

Минуту спустя в каюту влетела Чина. В руках у нее был аэрозольный флакончик «Ланы».

– Ты чего это надумала? – подозрительно спросил Ивин.

– Сейчас сделаем коктейль «Слеза Казановы», – самоуверенно пояснила Чина.

Голдман засомневался:

– Что-то я не помню такого коктейля у Венички Ерофеева...

– А в его время не было «Ланы», – парировала Чина и добавила: – Давай большой гвоздь и молоток.

Голдман с сомнением посмотрел на алюминиевый баллончик. Он не был уверен, что будет пить ЭТО!

«Еще более маловероятно, что сей напиток будут пить студентки», – подумал он.

Тем не менее, он достал из стола большой гвоздь и небольшой молоточек. По крайней мере, есть бесплатное зрелище.

– Этому меня научил один пассажир, казанский татарин. «Лана» ведь выпускается в Казани, а они свое местное производство знают в совершенстве. А делается это так.

Чина перевернула баллончик доньшком вверх, поставила на стол, сверху строго вертикально установила гвоздь и тихонько стукнула по нему молоточком.

– Гвоздь нужно прижимать, чтобы струя вверх не ударила, а потом потихоньку его раскачивать.

Отложив молоток, она крепко держа флакон, стала потихоньку шевелить гвоздь. Послышалось шипение. Когда весь газ вышел, она тем же гвоздем расширила дырку на доньшке и слила всю жидкость в чашку.

– И что, это можно пить? – испуганно спросила Светка.

– Я бы не советовала сейчас это делать, сначала напиток надо посолить.

Бортпроводница бросила в чашку щепотку соли. Содержимое слегка вспенилось. На поверхности появилась маслянистая пленка. Чина взяла кусочек ваты и аккуратно собрала все эфирные масла.

– Вот теперь коктейль готов. Только советую разводить водой, а то крепость большая.

Чина направилась к выходу.

– Эй, постой! Сама сначала выпей! – Голдман до сих пор относился к коктейлю с осторожностью.

– Проще пареной репы!

Специалистка в области крепких напитков плеснула немного содержимого в другую чашку, добавила воды и залпом замахнула полученную смесь.

– Остальное вам.

Спустя час Лева, разомлевший от порции «Слезы Казановы» лежал на верхней шконке и обнимал Таню. Со стороны дивана из-за занавесок доносились эротичные звуки – Петя со Светой занимались любовью.

– Я тоже так хочу, – тихонько заныл Лева.

– Не надо, нельзя...

Татьяна порывисто убрала руку Голдмана со своих спортивных брюк и переложила себе на плечо.

– Лучше поцелуй меня еще...

Но рука Голдмана упорно спускалась все ниже и ниже.

– Не надо, я прошу тебя, – прошептала Татьяна и вновь убрала руку.

«Может она стесняется своей подруги?» – подумал Лева. – «Этих студенток порою бывает очень трудно понять.»

На следующий день прощались на палубе. Судно стояло на рейде и уже подошел плашкоут из Южно-Курильска. Петя и Света мирно беседовали в отдалении. Татьяна обняла Леву и прошептала ему на ухо:

– Хочешь, я тебе буду писать?

Пока Голдман собирался с ответом она быстро зашептала:

– Я тебе все равно буду писать, даже если ты и не ответишь мне. Я... люблю тебя и... прости меня, я тебе причинила столько неудобств.

Проводив Татьяну, он спустился в каюту. Страшно хотелось спать. Сказывалась проведенная без сна ночь. Голдман повалился на шконку, но тут раздался стук в дверь.

– Отлеживаешься после бессонной ночи? – в дверях хитро улыбалась Чина.

- Куда там, мне еще работать пол дня, – Голдман выглядел замученным.
- Чина прошла в каюту, присела на шконку и погладила Голдмана по голове.
- Вижу тебя измучили студентки? – в вопросе бортпроводницы слышался сарказм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.